

СМЕНА

4 1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«Разгром германского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне при решающей роли Советского Союза создал благоприятные условия для свержения власти капиталистов и помещиков народами ряда стран Европы и Азии».

Программа КПСС

«...Марксизм-ленинизм вывел человечество на правильную, строго рассчитанную историческую орбиту, которая ведет в светлое коммунистическое будущее!»

Н. С. Хрущев

«...На долю советского народа, партии коммунистов Советского Союза выпала великая миссия быть пионерами коммунистического строительства, идти к победе коммунизма неизведанными путями».

Н. С. Хрущев

«Народ—решающая сила строительства коммунизма. Партия существует для народа, в служении ему видит смысл своей деятельности. Дальнейшее расширение и углубление связей партии с народом — необходимое условие успеха в борьбе за коммунизм».

Программа КПСС

П. Я. МАЛИНОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза,
министр обороны СССР

ХРАНИТЕ СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА

Начиная разговор о наших Вооруженных Силах, хотелось бы напомнить молодежи воиствующие слова первого торжественного обещания воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии, утвержденного ВЦИКом в 1918 году и одобренного великим Лениным:

«Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и поущений со стороны всех ее врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни...».

Прошло сорок четыре года. Сорок четыре славные страницы вписали в свою историю Советская Армия и Военно-Морской Флот. И сквозь все эти годы наших воинов — сынов трудового народа с честью пронесли гордые слова первой присяги. Каждый год новые и новые пополнения вставали на смену первым краснозвездным бойцам. Вставала кипиристая молодежь, приходила полная юношеского задора и романтики комсомольцы. И именно сейчас, обращаясь к вам, комсомольцы сегодняшних дней, полезно еще раз вспомнить эти слова. Ведь старшие ваши братья, старшие товарищи по оружию бережно передадут вам славы. Боевые традиции нашей армии и флота, передадут эту завету, чтобы вы с достоинством и честью несли их дальше, обогащая новыми свершениями во имя родной Отчизны.

Сорок четвертая годовщина наших Вооруженных Сил особенно знаменательна — ведь она как бы озарена ярким светом XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, съезда, которому сурдинку встать в ряд с величайшими событиями в истории человечества. Съезд подвел радостные итоги коммунистического строительства за прошедшие го-

ды и намечил четкие и ясные пути, по которым уже идут в светлое будущее советские люди — строители коммунизма, те, кому предстоит жить в коммунистическом обществе.

XXII съезд подвел также итоги большой работы партии и народа по укреплению и совершенствованию Вооруженных Сил Советского Союза, проведенной за последние годы, особенно после XX съезда КПСС. Период между этими двумя съездами стал подлинно переломным этапом в развитии и накоплении могучих сил нашей армии и флота. Этот период связан с переходом на новую, современную технику, с широким внедрением в войска ракетно-ядерного оружия, с дальнейшим совершенствованием обычных видов вооружений. Но главное, по инициативе Никиты Сергеевича Хрущева, по решению Центрального Комитета партии и Советского правительства создан новый вид Вооруженных Сил — ракетные войска стратегического назначения. Это войска, находящиеся в постоянной боевой готовности и способные нанести сокрушительный удар по агрессору в любой точке земного шара.

Огромная сила нашей армии и флота заключается в том, что новейшая военная техника, мощное современное оружие находится в надежных руках пламенных патриотов Родины. Основной руководящей и направляющей силой советского общества, наших Вооруженных Сил является Коммунистическая партия, созданная гением и трудами Ленина. Партия вооружила нашу армию такими великими идеями, каких нет и не может быть у империалистических армий. И в этом гранитная основа всемогущего политико-морального состояния советских воинов, залог успешного решения задач по обеспечению безопасности нашей Родины.

Верный помощником партии в Вооруженных Силах как всегда, является Ленинский комсомолец. При-

стальной силой могучую силу в армии и на флоте. Комсомольцы в частях и на кораблях составляют почти три четверти личного состава. Воин-комсомолец способен быть первым в самых ответственных и трудных участках воинской службы. Под руководством командиров они непрерывно совершенствуют военное мастерство, укрепляют дисциплину, добиваются повышения боевой готовности.

Сейчас, когда в нашей стране возмужал росток нового, коммунистического отношения к жизни и труду, армейские комсомольцы стали инициаторами многих ценных патристических начинаний.

Всем известно замечательное, ставшее поистине всемирным движение за коммунистический труд. И разве могли воины нашей армии и флота стоять в стороне от этого движения! Конечно, нет. Личный состав Вооруженных Сил подвигал звание великого почина ударников и колхозников коммунистического труда. И радостно видеть, что первым здесь, как и во многих других славных делах, были комсомольцы.

Началось это с малого. В одну из частей Группы советских войск в Германии пришел молодой пополнение. И на первом же комсомольском собрании зашел разговор: мол, работали мы до армии на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах, и многие из нас завоевали почетное звание ударника коммунистического труда. А сейчас пришли в армию — так что ж, забить это звание! Нет, сказали комсомольцы. И решили: принесем это гордое звание с честью через всю воинскую службу! Были первыми в труде — будем первыми в боевой учебе.

Комсомольцы этой части обрести по всем ударникам и членам коллективов коммунистического труда, пришедшим в армию и на флот, с призывом поддержать это начинание. И они сразу же были поданы в частях и на кораблях, в ротах, батальонах и эскадрильях.

Одно из обязательств инициаторов этого почина гласит: в первый год службы стать отличником боевой и политической подготовки. Замечательно, устойчивый подвиг начался, добрый ему путь.

Не отступят от своих армейских товарищей по оружию и флотские комсомольцы. Немало славных дел и воинских подвигов на счету у молодых моряков, с честью несущих вахту у морских рубежей нашей Родины.

Совсем недавно хорошее, замечательное дело начал комсомолец подводной лодки, где служит офицер А. Волошин. Готовясь достойно встретить XII съезд ВЛКСМ, моряк решил: пусть воинам будет процентов личного состава станет отличником боевой и политической подготовки, а весь корабль в этом году получит звание отличного! Моряки дали слово, что моральный кодекс строителя коммунизма будет законом жизни каждого члена.

Почти комсомольцев-подводников сразу же поддержали другие корабли и части нашего флота. Не даром ведь существует на море золотое правило — всегда рвануться на передовой!

Каждый воин-комсомолец считает своим кровным делом укрепление боевой мощи родной части. Примеров этому немало. В одном из воинских округов началось новое патристическое движение, значительным которого стал старший сержант Валерий Бузов.

Комсомолец Бузов проходит службу в танковых войсках. Изучая свою военную специальность, совершенствуя мастерство, он пришел к выводу: хорошо быть в танковом звонке неметь двух механизмоводителей — основного и нештатного. Он выступил с предложением подготовить в каждом звонке запасного механизма. Это начинание получило широкое распространение и одобрение Военным советом округа. Результат — возросшая боеспособность подразделений и частей, их боевая слаженность. А ведь это — главное, что полагается в бою. Таким комсомольцам, как старший сержант Бузов, гордится наша армия. И так же, как он не один и не два. Их множество.

Потому-то и могущественны Советские Вооруженные Силы, что наши солдаты и матросы, сержанты, старшины офицеры воспитываются мужественными, инициативными и дисциплинированными людьми, безгранично верными народу, Родине, коммунистическому идеалу. Каждый день воина рассчитан так, чтобы крепло его тело, закалялась воля, обогащалась воля. От подвига до боевой учебы, от физзарядки до попознания — все призвано дать силу мышцам, богатую плечу уму, закалку воле, чтобы юноша стал истинным, всоскопиденным, умелым воином. И не удивительно, что стрелковому, артиллерийскому, горючему и отава стали массовым явлением в армии и на флоте. Армия и флот — большая школа обучения и воспитания, они делают из юноши настоящего советского человека — честного труженика и

храброго бойца, готового отдать свои силы, а если понадобится, и жизнь для защиты строящего коммунизма Страны Советов.

Очень часто командиры частей и кораблей получают письма такого содержания: «Дорогой товарищ командир! Сердечно благодарю за воспитание сына. Вы подготовили его, как настоящего человека... Эти письма говорят о том, что вчерашних новобранцев служба в армии и на флоте сделала настоящими, культурными и мужественными людьми.

Ежедневно и ежедневно оттачивая свое мастерство, молодые советские воины с комсомольскими знаменами на гимнастерках и френчах формируются в и в мирные дни совершают славные подвиги. За последние два года правительство наградило орденами и медалями девять тысяч военнослужащих. Много подвиги вписали в летопись славных дел комсомола молодые комсомольцы, которые несут из них занесены в Книгу почета ЦК ВЛКСМ.

Вот, например, бортрадист эсбротера Владимир Шемет. Совсем недавно его имя стало широко известно в Вооруженных Силах. Чем он отличился? Во время одного из учебных полетов у самолета обнаружился неисправности: не выпустился шассис. Как тут быть! И вот отважный комсомолец открыл люк и, поддерживаемый за ноги товарищем, висит головой в воздухе, под сильной струей встречного ветра надул парашют, вылез из него, и шассис вышло. Благодаря его мужеству, выдержке и находчивости полет закончился благополучно.

И когда воина, совершившего подвиг, спрашивают, как же он отважился на столь опасное дело, всегда следует ответ: «Ничего особенного и не делал. Каждый на моем месте поступил бы так же. В полету и сила нашей армии. Солдатка такой армии по такой любая задача, не страшит никакой аждаха.

Советским людям строить коммунистическое общество, воина не нужно, а сама природа нашего строя. Нам нужен проный мир, чтобы спокойно жить и заниматься созидательным трудом.

Но пока в мире сохраняется империализм с его агрессивной сущностью, добрый ему путь. Нашему народу нуждаются в надежной защите от посягательств внешних врагов, мы должны иметь могучие Вооруженные Силы. В замечательном, вошедшем в мировую историю документе — Резолюции XII съезда КПС — говорится:

«Съезд считает своевременными, правильными и необходимыми меры Центрального Комитета и Советского правительства по дальнейшему укреплению обороноспособности нашей Родины. Пока существуют империалистические агрессоры, намеченную, держать порох сухим, совершенствовать оборону социалистических стран, их вооруженные силы.

И наши Вооруженные Силы сразу выполняли наложенную на них задачу. Коммунистический партия, народ, богатыри. Оборонность советской державы неустанно совершенствуется и укрепляется.

В последние время на Западе, в стане наших недругов, раздаются воинственные призывы. Видно, кто-то забыл поучительные уроки истории. Что же, мы можем сказать бездумно: только сунуться! Мы в состоянии пресечь любую авантюру, мгновенно нанести сокрушительный удар по агрессору.

Нинта Сергеевич Хрущев, выступая на пятом Всемирном конгрессе профсоюзов в Варшаве, сказал: «Советские люди, когда заявил, что наша страна никому не угрожает, что она не использует свое оружие для того, чтобы навязывать какие бы то ни было требования другим государствам. Но мы, добывая Нинта Сергеевич, не используем своего оружия против врагов, если они нападут на нас. Наши ракеты и ядерное оружие представляют максимум сил, который висит над головами империалистов.

Сила нашей армии в единстве с народом, в его активной поддержке и искренней заботе и внимании. И наша молодежь, комсомольцы многое могут сделать для укрепления обороны нашей Родины, что является священным долгом каждого советского гражданина. Отличная учеба, честный труд, физическая закалка, участие в работе организации ДОСААФ, чтение военной литературы, пропаганда боевых традиций Вооруженных Сил — все это очень важные практические дела.

Обращаясь к комсомольцам, юношам, которым предстоит служить в Вооруженных Силах, хочется сказать: бережно храните и умножайте боевую славу ваших дедов, отцов и старших братьев! Приди в армию, настоящий воин и о своем оружии и технике, высованные руками народа — труженика и умельца! Гордитесь высоким званием советского воина, крепите дисциплину и организованность, повышайте свою политическую сознательность!

Будьте бдительными, будьте всегда начеку!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Фон издания тридцать девять тысяч

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

ФЕВРАЛЬ 1962

КАЛЕНДАРЬ ГЕРОИЗМА

Солнечна богая слава наших дедов, отцов, старших братьев. Она завоевана в ратных сражениях во имя жизни и счастья страны. Но и в суровых мирных буднях Советской Армии и Военно-Морского Флота есть место для подвига.

Об этом и говорят факты, которые мы публикуем на этой странице.

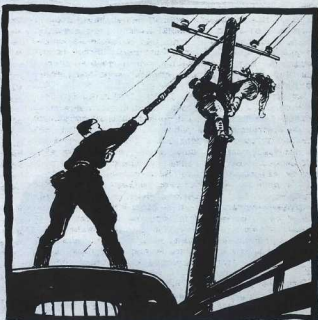
Кавалер боевой медали

Воины Н-ской части совершали тренировочные прыжки с парашютом. Высоко в небе один за другим раскрывались белые купола. Но вот одного из парашютистов резко понесло в сторону. Еще мгновение — и он оказался в стропалах парашюта, на котором спускался сержант Н. Манюк. До земли оставалось 150 метров. Скорость падения резко возросла. Нависла грозная опасность. Манюк не растерялся. Он перехватил

стропы парашюта товарища и намотал их на кисть правой руки. Начавший было гаснуть купол парашюта вновь расправился, затормозил падение. Сержант Манюк и младший сержант Розин благополучно приземлились. Жизнь воинов была спасена. За этот подвиг, за мужество и отвагу, проявленные при спасении жизни товарища, Указом Президиума Верховного Совета СССР сержант комсомолец Николай Манюк награжден медалью «За отвагу».

Однажды осенью...

Человек большого мужества

Начальник караула младший сержант комсомолец Кирей Мукушев обходил вагоны поезда, проверяя сохранность груза. Все было в порядке.

Вдруг Мукушев услышал крик. К нему бегом двинулся человек! Ни минуты не мешкая, Мукушев бегом к месту происшествия.

Вот и горловина цистерны. Она «дышит» парами бензина. А там, внизу, человек. Его надо спасти. Младший сержант спускается в цистерну...

Подоспевшие на помощь солдаты увидели, как младший сержант, шатаясь, нес на вытянутых руках безжизненное тело человека.

Командир приказал срочно погружаться. Матросы заняли свои места. Заварили механизмы. И тут выяснилось, что не сработала газовая захлопка левого дизеля. В подводную лодку стала поступать вода. Для устранения неисправности необходима работа на борту кормовой надстройки, но сильный шторм — опасный враг. В любую минуту он грозит сбить человека за борт, задушить волнами, которые непрерывно окатывают всю подводную лодку. Положение создавалось исключительно трудное. И тут комсомолец Анатолий Жилин вылезал устранять неисправность. Для страховки его вышел старшина 1-й статьи Эмек. Около трех часов боролся с разбухавшимся океаном смельчак. Он работал вслепую, на ощупь, используя мгновения отливов волн для того, чтобы набрать в легкие воздух, и снова оказывался под водой.

Продолжитель, усталый, поднялся на мостик старшина 1-й статьи Жилин и доложил: «Неисправность устранена, можно погружаться».

Произошло это дождливым днем. Сильные порывы ветра оборвали электрический провод, и он упал на проходящие вблизи телефонные провода. Исправить повреждение вышел старшина Будыко и рядовой Зуб. Чтобы освободить телефонную линию от электрического провода, рядовой Зуб залез на столб, закрепил себя страховочным ремнем и приступил к ремонту линии. Вдруг он вскрикнул и потерял сознание.

Эфрейтор комсомолец Абляшев, проезжавший мимо на машине, увидел это и быстро выбежал из кабины. Он помог старшине Будыко подняться на столб, но когда Будыко попробовал освободить товарища, то сам был поражен током.

Теперь единственны, кто мог спасти жизнь воинов, был Намет Абляшев. Эфрейтор подогнал машину к столбу, поднялся на кабину, оттуда жердью ударил по электропроводам и сбросил их.

После этого старшина Будыко упал на землю. Тогда Абляшев отосвоял руки рядового Зуба от проводов и снял его со столба. Немедленно вызвал «скорую помощь», он отправил пострадавших в госпиталь. Жизнь товарищей была спасена.

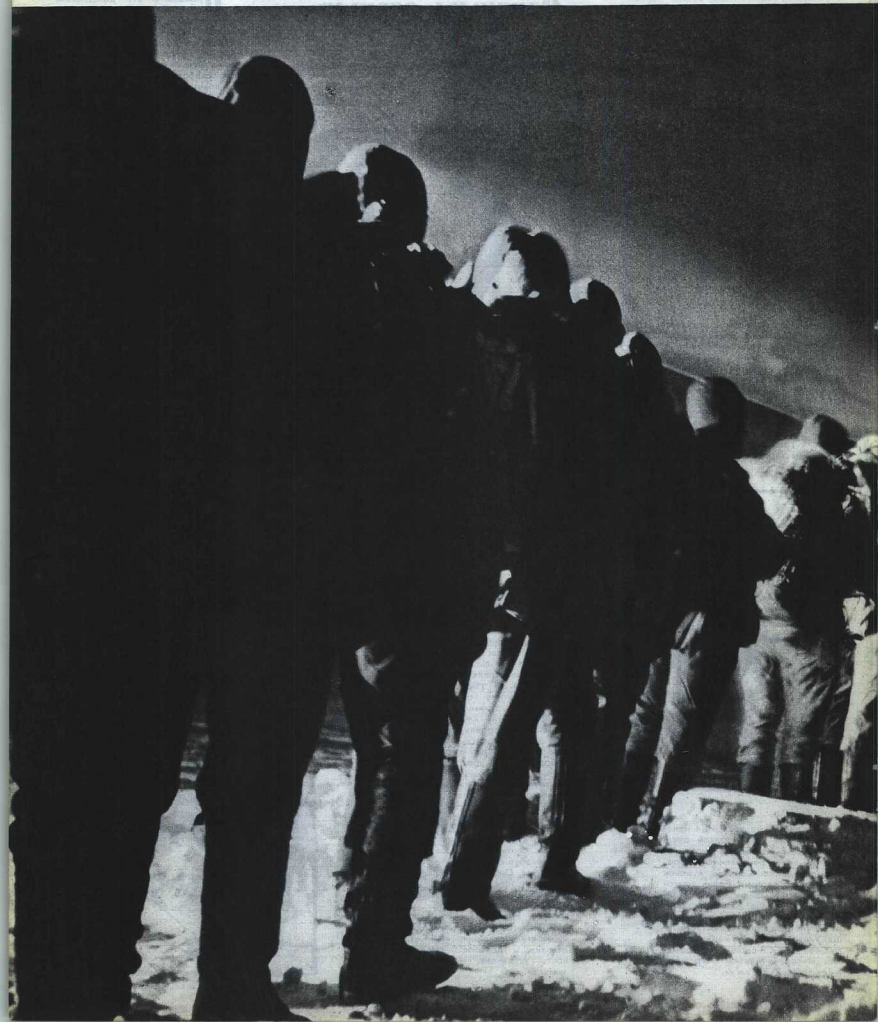
— Возьмите... скорее, — с трудом выговорил Мукушев и упал, теряя сознание.

После оказания медицинской помощи пострадавшим поправился. Мукушев же спасти не удалось. Он умер в руках у врачей. Так героически погиб советский воин, комсомолец, человек большого мужества и отваги.

Три часа борьбы с океаном

КРЫЛАТАЯ

ГВАРДИЯ

Фотоочерк В. МИШИНА и
Н. ВАСИЛЬЕВА.

Тревога!.. И притихший в предсветный час военный городок мгновенно ожил. Солдаты горюливо издавали нескладный, разбирали из пирамид оружие, на ходу застегивали тугие карабины парашютов.

Прошло лишь несколько минут, а уже подразделения росли, крепких парней спешили к громадным, воздушным кораблям, освещенным прожекторами. Вот последние солдаты исчезли в проеме широких люков. Тотчас взрвались моторы, и тяжелые, могучие самолеты один за другим растворились в темном небе, унося с собой десантников и надежно упакованную технику — самоходки, орудия, минометы...

Рассвет застал самолеты с десантом далеко от места старта. Над горизонтом уже показались неяркие солнца, когда над головами десантников вспыхнули молоты огочины: сигнал «Приготовиться!». А потом распахнулись люки, прозвучала команда «Пошел!». Одним из первых прыгнул командир взвода лейтенант Владимир Лебедев, за ним старшина Клавдий Веселов, десантник-ветеран, добрый воспитатель солдатских душ, следом к люку устремился рядовой Николай Носов, веселый черноглазый парочник, вомак ротных комсомольцев...

Е лицо ударила тугая струя ледяного воздуха. Носов почувствовал сильный рывок и вскинул голову. Края купола чуть колебались, парашют казался похожим на гигантскую медузу. Поправив лямку сидения, Носов развернулся по ветру. Вокруг него распухли белые ботинки. Слева он увидел большую черную точку, как которой вспыхнуло сразу несколько мучопов. Потом появился еще один такой же букет, потом еще и еще... Плавно поднимаясь в воздухе, на землю медленно опускались самолочки.

И вдруг исчезло все. Прямо перед собой Николай увидел испуганные, ставшие каменито-инадвертными глаза. Он бросил мгновенный взгляд вверх и успокоился: ничего страшного, просто сблизилась два парашюта... Носов весело посмотрел на серманта Калышина и крикнул:

— Прияет!

— Попад — ответил Калышин, и оба оттолкнулись друг от друга ногами. Земля всегда приходит неожиданно. Трудно рассинхронизировать ноги, коснутся «тверди», и сердце замирает всегда на минуту раньше. Носов врезался в сугроб, но тут же вскопал на нос...

Рота устремилась на юг, вслед за самоходками. Там, за неширокой речушкой, пряталась железнодорожная станция, занятая «неприятелем». Его следовало стравить и «уничтожить». Оттуда-то справа ударили минометы, заухали пушки. Завязался «бой»...

Там началось наше знакомство с армейскими буднями крылатой гвардии. «Десантники — особый народ...» Такую фразу нам довелось не раз слышать в части. Ее с гордостью произносят и офицеры и солдаты. И мы

убедились, что эта гордость войнов своей армейской специальностью вполне оправдана. Может быть, и в каком другом роде войск от чилова не требуется обладаниеирирования и мужества, разносторонних навыков и отличной смекалки, как от десантника.

Он обязан метко стрелять, владеть любым оружием, отлично ориентироваться в любой обстановке. Он должен быть готов встать у прицела орудия, рядом с минометом, сесть на место водителя самоходки или за баранку автомашины, заменить сапера, подрывника, радиста, а в случае необходимости и командира... Ведь десантники обычно действуют в глубоком тылу противника, когда неоткуда ждать подкреплений и помощи, когда каждый солдат должен бороться за дестерых и победить противника мощью огня, бесстрашием, твердостью духа, железной верой в победу. Настоящим десантником стать нелегко. Однако молодые солдаты, поступающие в воздушно-десантные войска, стараются как можно быстрее заслужить честь называться таи, не жалуют сил и времени, овладевая разнообразнейшими «премудростями», необходимыми воину крылатой пехоты.

С раннего утра омылиена в тренировочной горючке. Молодые солдаты прыгают с тренажера — двенадцатиметровой вышины, с тросовой горки, отработывают на особых стендах отделение от самолета, развороты, приземление. Без упорных, длительных тренировок их на выгусте на прыжки с парашютом.

Не у всех бывают твердыми эти самые первые шаги. Вот на площадку тренажера поднимается молодой солдат. Сермонт Бурулев зацеленчат на тросах карабина и легоняно подтанчивает парик и краю маленькой площадки.

— Приготовиться! — доносится снизу голос капитана Шагалова.

— Есть приготовить!

— Есть пошел! — бодро повторяет солдат и, замрзает на месте, словно незримый барьер мешают ему сделать шаг вперед.

— Пошел! — снова доносится снизу, и товарищи, такие же молодые солдаты, стоящие на земле, кричат этому нерешительному парию: — Смелей,

Грицко! Не подводи отделение!
Но Грицко не спавает. Он нечетает
на месте и откровенно признается:
— Та страшно, хлопцы... Дума висо-
но!

Конечно, и сержант Бурулев, который служит в армии третий год и капитан Шагалов, ставший десантником почти двадцать лет назад, знают; этот молодой солдат преодолел неэриный барьер, как преодолевали до него десанты, сотни других, таких же поначалу робких. А пеня... Пока Грицко с опаской поглядывает вниз, на землю, и не решает на прыжок...

Мимо тренировочного городка веселую сбивают на лыжах гвардейцы — «бывалые солдаты», давно уже называющие себя гордым именем — десантники. Лыжня уводит их далеко от казарн, в чистое поле, на танкодром, полигоны, на стрельбище. Увидят автоматчиков, артиллеристов, саперов, радистов, разведчиков... Можно позадивозить их сила, выносливости, их настойчивости, с которыми они слова и слова выполняют: команды офицеров: штурмуют «высоту» или атакуют «населенный пункт», готовят и бою миномет или маскируют орудия, штурт мины или западают о взрывчатку...

Напряженно учатся воинскому мастерству и те, у кого сегодня по расписанию «классные занятия», Вот Алексей Сметана, вчерашний тракторист из села Разумовки, что на Кировоградские, руками, еще не отмытыми от солины, укладывает с двумя помощниками купол парашюта. Он даже вспотеет от напряжения, хотя в руках его мягкий, податливый шелк. Но не такто просто с первого раза акурратно, ровненько — крепко и ровно, строу и строю! — уложить парашют. В соседней комнате, сидевшие над столами, отстывают «морзники» радисты. Впрочем, не только радисты. Работе с рацией обучаются и саперы и артиллеристы...

Поздно вечером, а тот час, который зовется «свободным», и тогда можно поиграть в домино или шахматы, написать письмо домой или почитать книгу, а то и просто поболтать с приятелем, мы зашли в Ленинскую комнату. Затаив дыхание, слушали майора Сергеева молодые солдаты. А он неторопливо рассказывал им о старших товарищах — героях минувших

сражений, своими подвигами принесших десантникам-парашютистам почетное звание гвардейцев. О тех, кто вырвался во вражеский тыл под Вязьмой и Ржевом, на Смирн и за Днепром или зашвырнул в великой битве город на Волге... Рассказывал о подвиге десантников из дивизии генерала Радичева — бесстрашных львах, как называл их маршал Мурнов; о шестидати десантников лейтенанта Кочеткова, которые забросали гранатами целую армию фашистских танков и пятнадцать из которых пали в этом бою смертью храбрых, не отступив ни на шаг...
О чем думали молодые солдаты,

слушая этот рассказ? Кто знает... Но мы не сомневались: наутро четче пойдут они в строю, точнее выполнят команду офицера, метче будут стрелять. А через некоторое время и Грицко, испугавшийся сегодня своего первого тренировочного прыжка, и его товарищи, недавно призванные в армию, станут бесстрашными, умелыми, отлично обученными солдатами крылатой гвардии и так же с гордостью будут произносить: «Мы, десантники, — народ особый...»

И всякая часть воздушно-десантных войск.

Появление почтальона в казарме всегда вызывает радостное оживление...

Эту историю надо начинать с весны прошлого года.

В ту пору Санька Мураш, канцелист с шестого участка, ничем особенным не выделялся. Его густые рыжеватые брови, широкий рот с толстыми, плотно сжатыми губами, вздернутый нос, а главным образом высокая, чуть сутулая фигура если и привлекали к себе внимание, то лишь человека нового, впервые появившегося на стройку. В работе Мураш не обнаруживал ни усердия, ни рвения, и многие из ребят с жесткой открытостью называли его человеком пустым и на стройке совершенно случайным. Имя Мураша не упоминалось ни на собраниях, ни в примечках и в полном виде своем — Александр Петрович Мурашов — было известно лишь бухгалтерии да Санькиному другу — такелажнику Ване Букину. Для всех остальных он был или Мурашом, или просто Санькой.

Правда, Ваня Букин не устал доказывать, что в двадцать три года человеку незачем опережать события, что у Мураша все еще впереди и скрытые возможности якобы армелит к нам до поры до времени. Иногда он сыпался на кого-либо из ребят, уже прославившихся на всю Сибирь, утверждая, что их тоже не с пеленок грели лучи солнца. Однако убедительность дикого аргумента была ничтожной: все знали, что на стройке Мураш с первых, еще палаточных дней, и никто не мешал ему на себе испытать, сколь благодатно действуют на человека помытки лучей.

Однажды Ваня Букин высказался даже в том смысле, что стогт Мурашу захотеть — и завтра же весь он его таланта всколпачит всю Сибирь. Это у него было слишком, и ребята открыто смеялись над ним. Такелажник сложилно переждал смея, а потом в разъяснение туманного тезиса о таланте поведаль ребятам о некоторых, никому до этого не известных этапах Санькиной жизни.

То слова Ваня Букина, Санька вырос в детстве, где-то на Волге, кажется, в Горьком. Ему шел одиннадцатый, когда, решившись на побег, он устремился в южные края, по вполне понятным соображениям набрав славых вагонов прямого сообщения... Его сняли с торсионной площадки где-то у Каховки, запад и черного, как галочник. Так он попал в Джангокийский детдом. Южный климат Мурашу не понравился, тануло изнад, на Волгу. Но там не менее он терпеливо переносил жару целых три лета. Столь длительный срок пребывания в условиях нежелательного климата объяснялся просто: парничку захватыва

ло в детстве. Впервые в жизни увидев в детском доме аккордеон, Санька три года не выпускал волшебного инструмента из рук, оказавшись поистине золотым. Его даже отправили куда-то в особую школу, чтобы обучить музыкальной грамоте, но, так и не дождав места назначения, Санька неожиданно сделал передачу и вернулся в родные края... В последующие годы, закончив ремесленное и работая на разных стройках, Мураш время от времени брал в руки аккордеон, но играл он все реже и реже. Это охлаждение к музыке Ваня Букин связывал с отсутствием стимула.

Трудно сказать, соответствовал этот рассказ действительности или был чистой вымыслом. Но Ваня Букин слушал с почтительным вниманием, не перебивая ни единым словом. Более того, рассказ тут же пошел по кругу и стал известен чуть ли не всем строителям. В сущности, тут-то и начинается эта история... Два через два к Ване Букину подошла Наташа Мишина.

— Ты говори,— обратилась она к такелажнику.— Будто Мураш играет на аккордеоне? Был нас обещенного перерыва. Ваня Букин, только что опорожнивший две бутылки кефира и пребывавший в отличном расположении духа, любезно ответил, что его, Иваня Букина, еще никто никогда не уличал во лжи.

— Проведи меня к Мурашу! — попросила Наташа.— Он, кажется, на шестой.

Только в эту минуту Ваня Букин осознал, какой гнев может обрушиться на его несчастную голову. Этой худенькой девушке, краповище с седьмого участка, поручили вести кружок художественной самодеятельности, и она была устал вылавливая среди сотен ребят и двенадцат обладателей золотых рук и серебряных голосов. Ваня Букин подползал, собирая блуждающие мысли, потом вздохнул, мысленно забыв себя идиллом и нехота пошел на шестой участок, где работал Мураш. Устроившись возле штабеля бетонных плит, Санька Мураш безмятежно дремал. Прикоснувшись к его плечу, Наташа возвратила коммюница в мир реальности и, не тратя времени попусту, спросила, слышал ли он что-либо о кружке художественной самодеятельности.

— Нет,— кратко ответил Мураш и, зевнув, добавил, что лично его больше всего на свете волнует кружок записчиков.

Ваня Букин рассмеялся, показывая тем самым, что даже в тревожную для него минуту он не лишается чувства юмора.— Оставь без внимания и слова Мураша и Ваня Мишинок, Наташа откровенно призналась:

— Понимаешь, нет у нас аккордеониста. Мураш резанул взглядом Ваню Букина, достал папиросы и закурил. Щеки такелажника покрыла легкая бледность. Выпустив несколько колец дыма, Санька минуты две спокойно любовался, как таяли они в неподвижном воздухе.

— Я как-то раз одиннадцать колец закурил,— любезно сообщил он, чуть оживясь.— С приятелем на четвертьню поспорили... А ударник у вас уже есть?

— Какой ударник! — насторожилась Наташа, мало зрительная в области музыкальной специализации.

— Тамота,— поморщился Мураш.— Ну, барабачник.— И тут же, изловившись, постуцал пальцами по бетонной плите.

— Мураш.—

— Без ударника никак нельзя. Вы бы послали на курсы Ваньку Букина, да ли, пока не поздно...

— Мураш, я с тобой как с человеком говорю. — Да я ведь ничем не могу помочь, крошечка! К сожалению, конечно... Не по адресу обратился.

Наташа растерянно взглянула на Ваню Букина, словно звалила и его помощи, но тот продолжал хранить мрачное молчание.

— Послушай, Мураш, помоги нам. Я бы никогда не стала так просить, но нам не обойтись без аккордеониста.

В эти слова, сказанных тихим голосом, Мураш уловил что-то вроде отчаяния. Он никогда не отличал эту девушку от других, похожих на нее, таких же обветренных и загорелых; встречался, здоровался, небрежно минова головой, и шал дальше. А теперь он посмотрел на нее внимательнее обычного и увидел ее глаза. Трудно сказать, какие мысли пронеслись в его голове, когда он увидел эти глаза. Может быть, он позавидовал парню, которому дано будет всю жизнь заглядывать в их неизмеримую глубину. А может быть, он и сам хотел оказаться эти счастливицом, кто знает... Но, покосив головой, чуть прищурив глаза, он изумо повторил:

— Ничем не могу помочь.

Разговор был окончен.

— Трещан,— бросил Мураш, когда Наташа ушла, не произнеся больше ни слова.— Тебе что, за язык ткнули! Мало ли что было десять лет назад! Ну и трещан!

Ваня Букин подавленно молчал. Что мог он сказать в свое оправдание! Уверить Мураша в своей искренней дружбе! Убедить его, что

Рисунок О. ВУКОЛОВА.

не стоит придавать всему этому никакого значения? Он переступил с ноги на ногу и молчал.

Отвернувшись, Мураш глядел в сторону шоссе, дороги, тянувшейся вдоль реки неподалеку от строительной площадки. Над дорогой клубилась черная пыль. Отчаянный мотоциклист выжимал из машины все, что можно было выжать, и летел по ухабам, рискуя растерять колеса. Он торопился в сторону Ново-Тажинска — большого города, расположенного за рекой, километрах в пятнадцати от стройки.

— Книгу у нее глаза... — неожиданно проговорил Мураш.

— У Наташки? Ничего, красивая, — с поразительной поспешностью согласился Ваня Букин и, внезапно кашляя, попрекнул: — Зря ты с ней так...

— Хвати! — сухо отрезал Мураш; он кивнул в сторону дороги: — Посмотри, как жмет. Хорошо все-таки иметь свою машину. Скажешь, нет? Четверть часа — и в городе. Смотался авчерком в ресторанчик — и будь здоров... Может, обзавестись, а?

— Попробуй, — сказал Ваня Букин, хорошо осведомленный о бюджете товарища. — Год за два накопится.

— Ерунда, — тихо прокинул Мураш, и трудно было понять, что имел он в виду: мысль о по-

купке машины или трудность решения финансовой проблемы. — Ладно, Вань. Ступай, работай.

Мураш стал молчалив и задумчив. Казалось, на его плечи огромной тяжестью навалились какие-то неожиданные заботы. Возвращаясь домой, он ложился на кровать и, закинув руки за голову, устремляя взгляд в пространство, думал неведомую думу. Иногда он брал с подоконника книгу, начинал читать, но не проходило и пяти минут, как книга водворялась на место. Тогда Мураш вставал, надевал на плечи куртку и выходил на улицу.

Ваня Букин с удивлением установил, что друг его изменил многим своим привычкам. Так, он перестал пить даже пиво, ссылаясь на приступ какого-то таинственного недуга. Уже никакими уговорами нельзя было заманить его в общежитие к ребятам, где иногда устраивались шумные «сабантуйчики» с обязательным приемом «внутри» скорее подозрительного, чем целебного отвара, доставлявшегося обычно из соседнего села... Немалое удивление вызывало у такелажника и то обстоятельство, что, отправляясь на работу, Мураш начал делать изрядный крюк и вопреки здравому смыслу добираться до своего объекта через седьмой участок...

Как-то раз, возвращаясь домой вместе с

Ваней Букиным, Мураш поинтересовался, не знает ли он, что за человек начальник участка.

— Не знаю, — пожал плечами Ваня Букин. — Говорят, хороший мужик. А что?

— Так... Зайти к нему собираюсь. — Мураш долго шел молча, затем, усмехнувшись, сказал: — Утром Наташку встретил. Проща и не поддоровавал.

— Что ж, обиделась, — сказал Ваня Букин. — Ты заглянул бы к ним в кружок... для интереса.

— Делать там нечего. — И вдруг, словно рассердившись, Мураш проговорил: — Вообще, Вань, надоело сачковать. Хвати!.. Ей-богу, та же Наташка, девочка какая-то, а смотрит на тебя, как на последнего пилона. Скажешь, нет?

Ваня Букин посмотрел на Мураша с таким любопытством, словно увидел его впервые...

На другой день, закончив смену, Мураш зашел к начальнику участка, предварительно дождавшись, когда из конторы выйдет последний прораб. Начальник сидел за столом, склонившись над бумагами, и на приветствие Мураша ответил легким кивком.

— Что у тебя?

— Поговорить надо, — сказал Мураш, присаживаясь на скамейку.

— Ваня!

— Сергей Антонич, дайте мне бригаду. Некоторое время ошеломленный начальник

взгляд на парня, как на придурка. Опустив взгляд, Мураш деликатно молчал.

— Какую бригаду? — спросил наконец начальник, начиная привычно задавать вопросы. — Любую, — невозмутимо ответил Мураш. — Но лучше из новичков. Новички — народ податливый, из них можно что хочешь выплести.

— Так, ты не хлебнул, Мураш! — усмехнулась начальник.

— Не имею привычки.
— Не умеешь слышать. А ты представляешь, что значит быть бригадиром? — увидев, — Мураш вздохнул и потар багряными колени. — Вы что, не верите!

— Интересно. — Прищурившись, начальник пристально смотрел на Мураша. — Ты давно каменщиком?

— Вообще пятый год.
— Так... Ну, хорошо. Иди. Я поговорю.

Мураш сделал шесть шагов — убеждая, доказывая, настаивая. На седьмом начальник сказал:

— Весть о том, что Санька Мураш получил бригаду, мгновенно разнеслась по стройке. Ваня Букин ходил с таким видом, будто бригаду дали не Мурашу, а ему, он во всеуслышание удерживал свое удивление и говорил: «Но почему нам столько значительно раньше не додумалось поставить Саньку во главе бригады? Оставаясь истинным другом Мураша, таеженин снабжал это событие пространной речью, в которой, существуя которого никогда было бы выразить одной фразой: день, когда Мураш стал бригадиром, войдет в историю стройки светлой датой, а местная печать не выполнит своего прямого долга, если не осветит столь проторенный факт без внимания...»

В бригаде Мураш оказался один новичок — десять газанских парней, только что приехавших на стройку по комсомольским путям.

— Вот что, орлы! — сказал им Мураш в первый же день перед началом смены. — Будете работать хорошо — будет зарплаток, будет все... Станете валивать дурака — пеняйте на себя. Эй, эсё!

Орлы ответили, что пока все ясное эсёное.
— Я так и думал, — закрутил беседу Мураш. — Все остальное — детали, остальное — за мной.

Можно было позавидовать эгерям, с которыми Мураш взял за работу. Они были незнакомыми учителями. Он мог десятки раз показывать, как надо брать раствор или класть кирпич — до тех пор, пока у новичка не отработывались определяющие навыки. Он успевал следить за всеми и всегда оказывался рядом с кем-либо из парней как раз в тот критический момент, когда ровная линия кладки под руками новичка начинала выгибаться в дугу... Но без усталости уверял прораба, что именно на их объект следует в первую очередь подкинуть кирпич, и прораб соглашался, оказываясь бессильным противостать обильно дождю.

Ваня Букин не узнавал своего друга. Куда делась его медлительность, равнодушие, валость? Мураш перестал сутулиться, ходил широко, уверенным шагом... Но все так же молчаливым был он по вечерам, все так же жаловался о чем-то, думал, глядя перед собой, как грустным, рассеянным взглядом. Едва ли Ваня Букин утруждал себя размышлениями о том, что творилось в душе Мураша. Его молчаливость он объяснял усталостью, что могло только говорить о совершенстве своего Мураша и в самом деле не щадил свои сил.

Никто, естественно, не требовал от новой бригады высокой отдачи в первые же недели работы. Но, к удивлению эсё, уже через две недели бригада Александра Мураша переполнилась планом. А когда на доске показательно появилась цифра «125», ребята просто ахнули. Пожале бы, что над горизонтом поднималась новая звезда!

Справедливости ради стоит сказать, что все это вначале поразившая, а затем постепенное воспринимать стремительный Санькин взлет как вполне закономерное явление. Подобных случаев знали немало. Радуясь за товарища, никто даже не задумывался над тем, что за причина вызвала в Мураше столь резкую пере-

мену... Но настал день, когда именно об этом и заговорили.

Однимы вечером Мураш задержал своих орлов и привел на лесад провел влюбленную патиинутку. Он предлагая завестись нечто вроде копилки — создать общественную бригадную фонд. На вопрос, для чего нужно такая копилка, Мураш ответил кратко: «Вот, ребята, полезны вообще, а если говорить о возможности использования фонда, то они безграничны...»

— Можно, например, со временем купить мотоцикл! — пояснил он, — и пользоваться им по-прежнему. Давай с копилкой!

К счастью для Мураша, разговор на лесад предал широкой гласности, и, как это нередко случается, решение завести бригадную копилку получило неограниченное толкование. Вышло, будто Санька Мураш только этем и поднимал бригаду к точке зенита, чтобы изэкзотить денюжку. Мураша не оправдал никто. Иные даже предлагали провести всеобщую дискуссию по поводу истинных стимулов труда. Кто-то из художников нерисовал бригадариюками вместо кирпичной кладки к некоей точке, где был изображен мотоцикл. Подпись: «На остальную пенячку, являющуюся копилкой на самостоятельного труда, должна была выразить степень Санькиного заблуждения. А когда пронесся слух о том, что преуспевающий бригадир собирается вступить в комсомольскую партию, орлы приехали, что называется, засучивать рукава, чтобы заранее приготовить к драке...»

Сам Мураш, казалось, не обращал внимания на эти разговоры. Он отмахивался, пожимая плечами и посылал в отставку всякую мысль вступить в разговор на тему о мотоцикле, да и то потому, что собеседником оказался Наташа.

— Прощай, как обычно в последнее время, по баевскому ридку, Мураш остановился возле баевского крана, на котором работала Мишина. Она поднималась по лесенке в кабину, когда ее оклинул Мураш.

— Ты чебы? — обернувшись девушку, явля не расположенна к беседе.
— Да так. Увидел тебя... Дай, думаю, поговорю.

О чем? — насмешливо спросила Наташа, смотря на Мураша сверху вниз. — О мотоцикле!

— Можно и о мотоцикле.
— Не стонг.

— Мотоцикл — вещь полезная. Обязательно когда-нибудь куплю.

— Купи, купи. У тебя и на поросят хватит. Эй, бригадир!.. Ну, ладно, мне работать надо! — почти крикнула девушка.

— Наташа, — начал было Мураш, но красноречива была уже в кабине.

Позже Мураш клялся Ване Букину, что, пока продолжался этот короткий разговор, глаза Наташи из синих превратились в серые, ставшие от оглея. Потом потемнели даже по краям степи, что диким ему, Саньке Мурашу, парню не из робкого десятка, стало не по себе... — Плянь, — посоветовал Ваня Букин. — Черт с ней. Не жалеешь слышать?

Мураш промолчал.

Вся стройка жила ожиданием молодого человека. Его надеялись провести в новом клубе, отделе которого не прерывалась буквально на минуту. Несколько бригад добровольно работали в ночное время — устанавливали паркет, красили окна и двери, оклеивали стены... На ночную вахту автала и бригада Мураша, причем значительно чаще, чем другие, и многие были уже такими путями Саньки Мураша. Этим, если не искупить, то утеш, во всяком случае, смягчить свою вину перед обществом...

И вот наступил долгожданный день. Утро было хмурым, с поимой дум ветер, пока еще слабо отлея. Потом потемнели даже по краям степи, что диким ему, Саньке Мурашу, парню не из робкого десятка, стало не по себе... и закурил метель. Впрочем, никого это не волновало, все предвкушая наступления в клубе и струнный оркестр грянет приветственный марш... Если кого и могло беспокоить невнятность, так только бригаду Мураша, который три дня назад уехал в город Таеженин и должен был вернуться к вечеру.

Никто толком не знал, зачем он уехал в город, как никто не знал, о чем накануне отъезде до глубокой ночи болтали с кем-то из отдела его орды. Никто внятного не мог сообщить даже Ваня Букин. Он только высказал предположение, что скорее всего Мураш мог идти о мотоцикле.

Говорят, что за день до отъезда кто-то видел Мураша под утро вечером возле обочины девушки. Сунув руки в карманы и тихонько поспитывая, Мураш прошептал якобы вдоль корпуса, повернул назад и, как бы вспоминая его орды, Никто внятного не мог сообщить даже Ваня Букин. Он только высказал предположение, что скорее всего Мураш мог идти о мотоцикле.

Говорят, что за день до отъезда кто-то видел Мураша под утро вечером возле обочины девушки. Сунув руки в карманы и тихонько поспитывая, Мураш прошептал якобы вдоль корпуса, повернул назад и, как бы вспоминая его орды, Никто внятного не мог сообщить даже Ваня Букин. Он только высказал предположение, что скорее всего Мураш мог идти о мотоцикле.

Метель началась часов в пять. Повалил снег. Ветер крепчал и крепчал и в конце концов достиг станинской силы. Стрели баевских крыльев расклевались, как мушки сосен, а сосны клонились, словно стабы осом. Угрюмые крылья ветра подхватывали снежные хлопья и со свистом несли их по-над землей. И когда в положенный час люди потянулись к клубу, им приходилось прокладывать путь в двухметровых сугробах.

Стонг ли говорить, с какким весельем начали стротели радужки! Закружились пары, зазвенели песни, а когда утомились ноги и значительно поохрипли голоса, всех пригласили послушать концерт самодеятельных оркестров. В течение всего этого веселого времени лишь Ваня Букин да ребята из бригады Мураша лишь себя весьма беспокоили. Они то и дело вылеза из клуба и подолгу всматривались в клубничную метель, читая, насколько, правда, поутраченную после полночи.

Мураша встретил Ваня Букин, решивший под конец идти навстречу товарищу хоть до самого города.

Мураш возвращался не один. Вместе с ним, проваливаясь по пояс в снег, шагали пятеро парней. Все они, с головами до ног облепленные снегом, показались Ване Букину неведомыми существами, словно помаловавшим на стротеливую площадку прямо из космоса. Существо это дополняла странная, как-то неземные и тоже облепленные снегом предмети, которые несли все шестеро.

— Вот, — ребята — чуть улыбнулся Мураш. — Ребята в клубе!

— В клубе, — ответил Ваня Букин и растерянно посмотрел по сторонам. — А где же...

— Замерзали мы, как черти, — пояснялся, сказал Мураш. — Ты быги, Вань, пусть ребята сообразят погреться.

Ваня Букин равнулся вперед. И когда гости из космоса ввалились в вестибюль, десятки рук потянулись к ним, раздели и потяжили к столам...

Мураш отмыкал Наташу.

— Знакомьтесь, — проговорил он, галантно поклонившись. — Солисты оркестра... между прочим, тоже самодеятельного. Только из города, с комбината... Флейтист... Трубача... А это ударники и ритмичный ансамбль.

— Что ж, очень рады, — растерянно проговорил Наташа. — Милости просим!

— Едва добрался. Техника не работает. Хорошо ведь, ветер в спину.

И снова утруждал Наташу в веселом танце. Звенели без умолку голоса, вырывавшиеся последние дельте серпантин... И вдруг отступало поворачивало аккордом.

Мураш играл много. Вскочив на площадку звуковой аппаратуры, он поднял голову, глядя где-то далеко, отделенная от Мураша доброй стоей-голкой, но рядом с Мурашом, помимо первого ним, были все глаза. Не отрываясь, смотрел он в их бездонную и пока что холодную синеву. Он играл и играл, нанюмо полагая, что если музыка найдет дорогу к девичьему сердцу, то обязательно всплывет в нем чистой и светлый огонек... Он играл, готовый ждать и надеяться.

— Странно, но никому, даже Ване Букину, и в голову не пришло спросить, купил ли Санька мотоцикл. А когда на следующий день проводил пятерых гостей, оставшихся в клубе и флейту, и аккордон, и барабан и трубу и клавири, и ритмичный ансамбль, что погратина сегом сборжения бригада Александра Мурашова.

ПРИЕХАЛ СОЛДАТ В ОТПУСК...

Фотоочерк Г. ДУБИНСКОГО и А. НИКОЛАЕВА.

Добрые вести чаще всего приходят неожиданно. В казарме раздался телефонный звонок.

— Молодий сержит Сармаз К командирю части — приниуд диевальный.

Он стоит по стойке «мирно». Командир зачитывает по-военному немногословный приказ: «За отличные успехи в боевой и политической подготовке младшему сержанту Сармаз представляется краткосрочный отпуск с выездом на родину».

— Соскучился, поди, по дому? — Есть невозможно, товарищ полковник.

— Чего там, немонимо, Знаю, соскучился. Сам солдат. — Полковник протягивает ему отпускной билет и крепко пожимает руку. — Отпуск ты заслужил. Оформив документы и поезжай. Счастливого пути!

Когда Мати Сарма вернулся в казарму, его тут же окружили товарищи.

— Что случилось, Мати? — Да вот домой еду. — Немного смущаясь, ответил Мати. — На десять дней.

Отпускной билет, только что подписанный командиром, пошел по рукам. Многие читали его с нескрываемой завистью, особенно солдаты первого года службы.

— Безудин ты, Сарма, — сказал со вздохом один из них. — В уче-

бе — первый, Лейтенант тебя жалит. И поезжай, как Лемешев, И Бегашев, как Нуд. Отпуск имену! Сарма.

— А ты не унывай, парень. — успокаивает солдата старшина. — И твой черед придет. Будешь служить, как Сарма, тоже поедешь в отпуск. В армии, знаешь, есть твердое правило: заслужил — поезжай. Наш медик говорит: отпуск солдату не противопоказан. Это точно.

О чем говорят в дороге? Пожалуй, обо всем. Попутчиками солдата оказались две пожилые колхозницы из Белоруссии. Женщины словоохотливы, а солдат общителен, и за бесконечным дорожным чаем завязывается бесконечная дорожная беседа о том о сем и, между прочим, о том, кто из солдат, мил, выходят хорошие колхозники, дисциплинированные, трудолюбивые.

— У меня племянник тоже, как и ты, служил в армии. Теперь первый тракторист в районе... А ты, сынок, на тракторе поешь?

— Могу и на тракторе.

— А сними, солдатик, когда все танин в тракторы переделают?

— Вот этого не могу знать. Вы, мамаша, напишите письмо в ООН. Спросите...

— Болеса стучат на стыхах, и чем ближе к дому, тем бодрее музыка

Солдаты 1-й Витебской дивизии

дороги. Большие города и маленькие попустуни. Пролеты мостов перечерчивают дали, бегут назад телеграфные столбы. И вот уже солдат не отходит от окна: поезд пронесется мимо знакомых пригородных станций, которых Мати не видел полтора года...

Полтора года назад Мати Сарма стоял перед зданием военкомата. Свойми ветер Балтики принес запахи моря, таной знакомый и всегда волнующий, а кругом шумел родной Таллин. Сарма стоял, орудженный друзьями, держа маленький спортивный чемодан, с которым еще недавно бегал на тренировки. Товарищи по бригаде, старшина Паша Затыркин, сказал тогда: — Сундай, что ты отправляешься на соревнования. Ты должен выиграть, Мати.

А мастер, словом которого ребята привыкли верить, ирелино и потетически тепло поваяв ругив, сказал:

— Ты едешь не на прогулку, паренъ. Там, на солдатской службе, никогда не забывай, что ты рабочий человек. Три года — срок немалый, но мы будем ждать тебя. Чего пожелать тебе? Служи так же, как работал. Не посрами чести завода. А уж мы здесь тебе постараемся не подкачать.

Мастер шепнул что-то ребятам, и все отошли. На Мати смотрели теперь серые девичьи глаза. Шумел Таллин, пахло морем. Что сказала девушка, фотография которой лежит теперь в его служебной папке? Никто не слышал ее слов. Никто, кроме него. Только, глядя на товарища в эту минуту, друзья видели: Мати Сарма уезжает со светлым чувством, с на-

деждой, как и должны уезжать солдаты.

— Ищи, Мати.
И почта приносила солдатские письма. Их читали на заводе вслух. Мати писал о своих новых друзьях, приехавших из разных солдатских служб, но каждый концы в огромной стране, о солдатских буднях со всеми их радостями и заботами, о трудностях, побеждать которые учит армия. Полтора года Мати Сарма был далеко от родного завода, от ребят своей бригады, но и там, в новой солдатской семье, он чувствовал постоянную живую связь с теми, кто остался дома. Но, как ни регулярно приходили письма из Таллинна, все-таки самому все увидеть и обо всем рассказать — куда лучше...

И вот явден уже поверх черепичных крыш Большой Герман, а высоко в небе застыла на узном шпале Стальной Томас — вечный страж города, Таллинна.

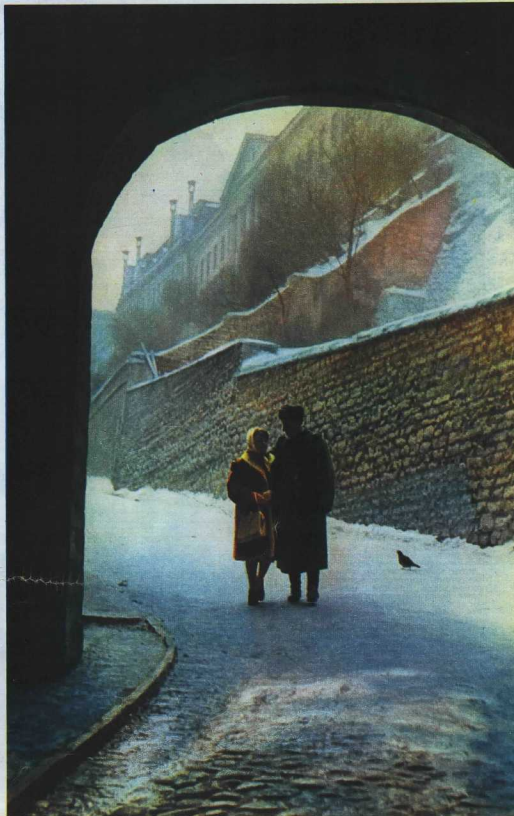
Никто не обижается на солдатские жарки, но домашние пироги — с пылу, с жару! — особенно, если готовила их мама, хоть ного заставят улыбнуться!

Сын приехал!
Отец, старый шалтер, теперь пенсионер, особенно интересуется солдатской службой: он сам был солдатом, прошел долгую дорогу войны — через всю Европу до Берлина. Тогда еще его сын, как говорится, пешком под стол ходил. Теперь два солдата, отца и сына, есть о чем поговорить за семейным ужином.

— А ну, покажись, сын!
Всего полтора года службы, а сватер, который связала мама, уже подозрительно трещит в плечах. Отец смеется:

— Вот, мать, что танце армия!

Весть о том, что Мати Сарма приехал в отпуск, быстро разнеслась по Таллинскому машиностроительному заводу. А когда он появился в своем цехе, там его ждали. Со всех сторон к нему ткнулись руки товарищей. Мати едва успевал отвечать на приветствия... Как все здесь знакомо и привычно, все близко сердцу — не только друзья, но и станки, инструменты, с которыми он сроднился за время работы! Ну как удержаться и снова не дать в руки сварочный аппарат! Так после долгого перерыва страстный охотник с нетерпением берет в руки деуствуюю... Не совсем обычно видеть сварщика в солдатском мундире, но в спонийных, привычных движениях Сарма чувствует себя профессионалом. Руки солдата не отвыкли от любимой мирной профессии. Старый мастер, улыбаясь, смотрит на своего питомца.

существует рабочий нашего завода, ныне младший сержант Советской Армии Мати Сарма. Недавно в комитет комсомола пришло письмо из И-ской части. Командование благодарит нашу организацию и коллектив завода за нашего пионца Мати Сарму. Теперь за отличную службу ему предоставлен отпуск. Все им очень довольны, что Мати стал отличным солдатом. И вот мы решили от имени комитета комсомола и от всей молодежи нашего завода приобщить Мати этот подарок.

Секретарь комитета вручает Мати большую, красиво оформленную книгу — эстонский народный эпос «Калевипоэг», это символический подарок, недаром на титульном листе сделана надпись: «Будь таким же смелым и отважным, как Калевипоэг».

— Слушай, Мати, — говорит кто-то, — помнишь, как ты пел в этом зале? Трехим, брат, старинной! Ну разве можно тут отказать!..

слово, мы не слышали, что говорила девушка с серыми глазами, когда он заходя за ней в магазин и после работы они бродили по Таллину. Они шли по старинным узким улицам, мимо островецких домов с черепичными крышами, поднимались на высокую гору Старого города: отсюда хорошо смотреть вдаль, виден весь Таллин и море.

И вот уже истек срок солдатского отпуска. Много радостного пришлось пережить Сарме в эти десять дней, а пролетели они, как один час и, быть может, восторжничал он об этом, сиди на скамеечке старого таллинского парна...

Третий звонок — поезд медленно отходит от перрона таллинского вокзала. Младший сержант Мати Сарма снова уезжает далеко от своего города, от дома, от друзей. Но солдат знает: с отъездом не оборвутся нити, связывающие его с заводом, с друзьями, с людьми, близкими его сердцу.

Ветер донесит последние слова: — До свидания, Мати! Мы идем тобой!..

— Вину, не зря командир писал, что живет в тебе эта наша, рабочая жила. Солдат ты хоть куда, и хватна у тебя прежняна, рабочая!

Вопросам нет конца: за полтора года много воды утекло. Что? Мати — А у нас, брат, тут такой подъем после XIII съезда пзетни! — говорит Паша Затырин. — Били повышенные обязательства. Да я тебе писал... Одним словом, вернешся — считать не дадим.

Мати заметил, что во время его отсутствия многое изменилось в родном цехе. Пришли новые молодые ребята. Непотормиз из них, как и Сарме, скоро предстоит надеть солдатский мундир. О чем они думают, глядя тельно на солдата — недавнего рабочего завода? Может быть, о своей будущей службе и о такой же теплой дружеской встрече на родном заводе? Или, быть может, о том, что память друзей не стынет, как бы далеко ни забросила человека солдатская служба?

— Слушай, Мати, приходи сегодня в клуб!

В заводском клубе молодецкий вечер. Во время концерта на эстраду выходит секретарь комитета комсомола Ниналей Палкин. — Товарищи! Здесь в зале при-

КНИЖКА В БРОНЗОВОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Посмотрите на фотоснимки. Перед вами — второе издание «Красной присяги» воина Красной Армии размером 20 × 20 миллиметров. Обнаружив в срок семейный архив, ее принес в редакцию один из студенток. С тех пор она завладела нашим вниманием.

Портреты Ленина и Фрунзе подтверждают предположение, что издание «Присяги» относится к 1929—1924 годам, тогда Михаил Васильевич Фрунзе был Наркомвоенмором.

Но кто задумал так издать текст присяги, для чего предназначалась эта миниатюрная книжечка, где ее выпускали?

Первыми словами инициатора музея, тогдашнего миниатюрного бронзового переплета, были: — Подарите это музею... В обмен на историю книжки, — заметил мы.

Обмен не состоялся, так как историю этого издания «Красной присяги» нам рассказать не смогли. Но мы смогли нам помочь и в Ар-

тиллерийском историческом музее, куда завезли поиски. Оттуда известно, что данным музеем изданы книжки «Музей не располагает».

Тогда мы обратились в Военно-научное общество генералу Н. И. Кордюкову.

Николай Иванович — старший кадровый военный. Он академик кафедры в Академии имени М. В. Фрунзе, находился на различных командных должностях. Он хорошо знал Тухачевского — сейчас доказывают о нем ниги. Но вот, как на беда, об этой книжечке мало что может вспомнить.

— Видел ее у красноармейцев, а вот истории не припомню — много с тех пор воды утекло. Читал очень похож на тот, кото-

рым было напечатано первое издание Устава Красной Армии. А значит, что, оказывается этот не по годам энергичный человек, — сделайте фотокопии и дайте их мне. Послем на видном месте в Центральном Доме Советской Армии и в Комитете ветеранов... Там всегда народ собирается — может, кто-нибудь и вспомнит.

Так мы и сделали. В Комитете ветеранов нам подтвердили, что эта книжечка выдавалась красноармейцам перед принятием присяги, и посоветовали обратиться к Маршалу Советского Союза Семену Михайловичу Буденному. Вот что нам рассказал Семен Михайлович:

— Предположение, что это издание относится к деятельности М. В. Фрунзе Нар-

комвоенмором, верно. С первых лет мировой войны Красная Армия для повышения качества службы был учрежден «Курс молодого красноармейца». Молодые бойцы должны были изучать основы воинской службы, чтобы после принятия присяги им можно было доверить выполнение отдельных заданий, которые могут выпасть на долю воина армии рабочих и крестьян.

Впервые же дни службы бойцам выдавалась маленькая книжечка с текстом «Красной присяги». Каждую свободную минуту использовались молодые бойцы, чтобы выучить ее наизусть. И когда наступал торжественный день принятия присяги, каждый красноаремец повторял слово «перед лицом трудящихся

классов Союза Советских Социалистических Респуб-

лик и всего народа» текст торжественного обещания.

Эту книжечку каждый боец носил с собой. Изготовил ее по указанию Революционного комитета. А кто и где ее выпустил, — этого я не помню.

А что знаете об этом вы, наши читатели? Может быть, и в ваших семьях хранится такая старая реликвия первых лет работы крестьянской Красной Армии? Может быть, ваши отцы принимали присягу, выучили ее по этой книжечке? Может быть, с этим сувениром связана еще одна славная страница нашей героической армии!..

Желез наших писем, друзья!

Рассказываем неизвестного героя

Потзовитесь, друзья младшего сержанта Евсева!

Как-то в руки мне попал старенькая карточка-верстка военных лет. Чрезась ее лист, с востока на запад, протянулся Петергофское шоссе... Я взглянул посеток Лопухинку, чья работа — голубчик паштетом, раба, едва заметная ноточку рудини, и в памяти оживил забытые октябрьские дни 1941 года, Ленинградский фронт...

Захлебнувшись наступлением немецко-фашистских войск под Ленинградом встревожило ставку Гитлера. На Ораниенбаумское направление прибыл генерал, которому было поручено изучить положение дел на месте. Об этом стало известно нашей разведке.

Патроле бывалых моряков, не раз участвовавших в стычках с гитлеровцами, удалось незаметно перейти через линию фронта. У обочины шоссе генералов залегли. Вот надвигаясь посылался шум. Моряки настроились, плотнее прижались к земле. Из-за поворота показались немецкие колонны. Они двигались небольшими группами.

— Пронутить, — тихо приказал командир.

Вскоре показались новая группа фашистов. Впереди и по сторонам двигались автоматчики, а в центре шли офицеры. В пер-

вой группе был генерал. Его черная шапка резко выделялась среди серых шинелей. На плечах блестели вышние погоны.

Уже темнело. Морская мелкий осенний дождь. Генерал, заснувший в руины и карнизы, старательно обходил лужи на дороге. И вдруг... Перед генералом выросло слово из-под земли в буташке с рысаченым воросом, с гранитной в руке русской моряк.

— Матрос!

Это было последнее слово генерала. В самой южной вправо ворвался гранит. В то мгновение краснотельцы, оставшиеся в ковете, открыли по фашистам уничтожающий огонь. Один из разведчиков бросился на дорогу, чтобы захватить полевую сумку генерала. Путь ему преградила фашистский офицер. Выстрел — и гитлеровец упал. Прижок — и матрос очутился около убитого генерала.

Мне запомнились упоминавшийся не раз в рассказав об этом боевом слове протест русской фамилия Евсев. Морские с этой фамилией возглавляли дерзкую вылазку разведчиков. Говорили, что это он выскочил на дорогу и своей поворотной отвагой ошеломил и привел в ужас фашистов.

Прочли тогда. Давно отгремела война. Мне хотилось узнать

о дальнейшей судьбе героя-моряка, но мне не удалось разыскать Евсева ни удачно с успехом. Пришлось обратиться за помощью к печати. 2 августа 1959 года в газете «Советская Россия» была напечатана моя небольшая корреспонденция с просьбой сообщить через газету о судьбе Евсева. Отклики читателей были восторженными.

Но в конце 1960 года студент вечернего отделения Ленинградского политехнического института Светлана Шапиро сообщила мне о том, что Надежда Федоровна, до замужества Евсева, прочитала год назад мою статью в газете, вырвала ее на память и при этом убежденно заявила, что ней написано о ее родном брате, погибшем в боях за Ленинград.

Я попросил Светлану показать мне то немногое, что в какой-то степени было связано с именем ее дяди. Она принесла мне конверт, несколько любительских фотокарточек, записку.

С волнением взялся я за просмотр этих бумаг. На конверте, кроме адреса получателя, был адрес отправителя: полевая почтовая станция № 753, подразделение 52, литер «А». Очевидно, и конверт был запечатлен группой бойцов и командиров, часть из них в армейском обмундировании, часть во флотском. Да, именно так, как я писал в своих нехотичных, воевавших на ораниенбаумском «пятячке» летом 1942 года.

На одном из листов фотоле-

товыми чернилами было выведено: «Дядя Юра. Надежда Ивановна 1917 г. рож. Ее сестра Вера Ивановна Яблова, с. Лебяжье». Да ведь об одной из этих женщин, Вере Ивановне Яблоковой, мне говорил однополчанин Евсева! Совпадение? Случайность? Едва ли.

Смотрю на обратную сторону фотокартки. На ней написано: «На память родным от отца и его боевых товарищей. Г. Ф. Евсев, 21. XI. 42. г. Ленфронт».

Моего дядю звали Георгием Федоровичем, — подкалывает Светлана.

Простратившая подлинку газеты «Красной Балтийской флоты» 1941 год, я натолкнулся на небольшую заметку, подписанную старшим политрукком К. Кормушовым. В ней говорилось:

«...Небольшая группа оставшихся балтийцев уничтожила немецкого генерала, около десятка штабных офицеров и много солдат. В этом беспримерном сражении исключительную храбрость и отвагу проявил младший сержант Евсев, краснотельцы Шульга, Жожик, Бугаенко и Клебанов».

Итак, разведчик младший сержант Евсев — реально существовавшее лицо. У него, конечно, были товарищи и друзья. Надо думать, если они узнают о поисках, то обязательно откликнутся и расскажут о том, как жил и сражался за Советскую Родину бесстрашный воин-моряк. И, умирав, рано или поздно их слава откроется.

Подполковник
Конст. ГРИЩИНСКИЙ

И в эти дома на Московском проспекте Виктор Демидов пришел вовремя.

ОН ПРИШЕЛ ВО ВРЕМЯ

Бор. СЕМЕНОВ Фото автора.

Коридор был шириной в ладони. Виктор ухватился за него руками, тело повисло над семидесятиметровой бездной. Пальцы побоялись — то ли от напряжения, то ли от холода. Левая рука передвинулась сантиметром на тридцать. Правая последовала за ней. Это был шаг. Потом снова передвинулась левая, и правая опять последовала за ней. Это был второй шаг. Сколько еще предстоит их сделать, прежде чем ступишь на обломок винтовой лестницы?

Виктор не думал об этом. Он торопился. Его торопили пешеходы на Невском и на канале Грибоедова, посетители Русского музея, дети в свитерке у памятника Пушкину — тысячи людей, все те, кто был в это время в центре великого города.

Они торопили его, сами того не ведая. Торопили теми, что они были здесь. И он знал это. Знал, что над ними нависла опасность, и ему нужно ликвидировать ее.

За два часа до этого Виктор от-

вея дочку Алёнку в детский сад, — Ты сегодня придешь за мной вовремя? — спросила она.

— Постарюсь.

— Не так, как позавчера?

— Бегу, бегу. — И Виктор зашагал прочь. Потом он ехал в трамвае. Невысокого роста, в очках с толстыми стенками, из-за которых выглядели добрые-добрые, немного наивные глаза, с нечеткими шарловатым портфельчиком в руке. Старший лейтенант наяривался на службу.

Он вошел в огромное здание по адресу от Зыбного. В его кабинете тихо звонил телефон. Он взял трубку.

— Группа разминирования.

Старший лейтенант Демидов слушает.

По листу бумаги забегал карандаш.

— Вас послал. Собор «Спас на кровле». Сейчас прибуду.

Он прибыл на место через несколько минут. Верхолызы рассказали, что, реставрируя купол собора — в нем должен открыться Музей иерархии, — они увидели снаряд.

— Большой, товарищ старший лейтенант. Если на попа постоять, с вас ростом будет. Вон там он застрял: между вышними и внутренними сводами.

— Кто знает о снаряде?

— Да пока никто. Мы вот вам позволим.

— Ну и хорошо. Пусть пока никто ничего и не знает.

И вот теперь Виктор на марше. Он перебирает совсем застывшими руками. Потом цепляется ногами за обломок винтовой лестницы. Руки снимают в кулак. Дует на них, чтобы хоть немного отогреть занемывшие пальцы.

— В кровле дыра. Он продирается сквозь нее в нутро купола. Здесь затанцис враг.

Виктор ползет вонгу снаряда. 210 миллиметров... 17 индюгановых взрывчатик... Разлет осколком до двух километров...

В инструкции на этот счет сказано четко и ясно: разрывавши-

ся стрелный снаряд подвывается на месте обнаружения. В исключительных случаях...

Четыреста тысяч снарядов, бомб, мин было обрушено фашистами на Ленинград. Четыреста тысяч! То, что не разорвавшись, застряли в стенах домов, под фундаментами зданий, на проезжих частях проспектов, во дворах шнол, музеев, больницы — все это исключительный случай.

Чуждые, начиненные взрывчаткой... Как уничтожить тебя, если вокруг тысячи людей, что силятся над станками и чертеными досками, что хлопочут на нухе у плиты или в зале, где пощелкивает электронно-счетная машина, тысячи людей, которые продают хлеб, слушают рассказы о картинах Серова, идут по улицам, покупают новое платье, торчатся во Дворец бракосочетаний.

Исключительный случай... Это значит: Виктор Демидов и его товарищи должны уметь взять в область своего дремлющего снаряда, не разбегая, унести подальше от лю-

дей и там разделяется с ней один на один. Раз и навсегда.

Витор смотрит на сараяд. Верхолазы, видимо, сдали ему его. Теперь он готов взорваться в любой миг. Теперь никто не выйдет из сенюкды. Нельзя ждать, пока товарищи придут на помощь. Сегодня все надо делать самому.

Сторвадтингограммовая громада засела между строениями, фермами, кусками кропили. Толстый, острый на конце железный прут уперся в взрыватель. Сильно изгибается отсюда, чтобы прут не соскочил калюпай? Пять, три, один!

Витор пытается подобраться к туловищу сараяды. Замерзшая сталь и не отогрешенные пальцы пылаются отворачивать, несть кропили, отгнуть железный прут. И пока руки делают эту работу, Витор шумит. Подать назавд. На два сантиметра. Дальше нельзя. Перевести и ругнуть. Надо стражовать. Ветерина, две петли, два узла. Хорошо бы бить через ферму.

Теперь уже но холодно. Капельки пота проступили на лбу. Заполнить снами.

— Вот проклятый!

Надо прогнать стака. Сейчас он сидит на ферме, обхватив ее ногами. Надо сдвинуть снаряд. Во что бы то ни стало. Обтянет его на себя. Еще раз. Еще. Сараяда трясется в месте. Не назавд. На полметра вперед. Дрожат строения: где-то прошел громадой. Сараяда теперь от взрывателя до жала железного прута! На скалах Витора играют желанья. Ни чего. У Малой Вишеры было труднее...

Э то было год назад. Позвоинии. — Говорит, со сто шестого километра. Здесь, у насмыи, заспанная колодець. В нем личи. Что делать?

— Не паниковать. И не трогать. Сейчас вылезает. С ним отравился его друзья — офицер Юрий Самарин, сержант Александр Соронин, рядовой Николай Ревкин.

Наступила ночь. Темная-темная ночь, когда все небо затнуто туманами. Ночь не видно ни зги.

Минный колодець был отрыт фашистами по всем правилам инженерной науки. При снятии казанной от фонаря Витор увидел исследуемый личи с взрывчаткой. Сильно эти личины прятала в себе железнооружная насыпь!

Здесь несколько минут со скоростью в сто двадцать километров в час протаскивается курсорский... Тысячи людей!

Ты должен выжить, Витор. Сейчас же не медли. Ты можешь сказать: «Зачеркь дивенение». Так сплюснине. Но разве ты уже сплюснен, если знаешь, что мог сделать больше? Разве ты полностью выполнил долг, если оставший поезд! Личи, спешение по делам, опоздание, и может, опоздание это будет роковым. Грузы, которых ждут с нетерпением, задержатся. И, может, из-за этого куда-то не привезут личи, где-то затухнет домна, где-то не окажется лекарьства.

Ты можешь сказать: «Дивенение не припастивает». Но какова цена ответственности за эти слова?

Рядом с Витором копилки инженеры-мелездоронники.

Он еще раз посмотрел на присниганный земляки минный колодець на полунаветшавший личи с взрывчаткой.

Каково будет нелепане почвы при отрыве поезда в сто километров? — спросил Витор. Почему ответ, задав еще один вопрос: — А при двадцати?

Теперь он присел на корточки и ноном отговаривал землю вокруг личи. Просушу глыбцы под личице, достал его. Личи, казалось, не имеет развала в руках. Времени тянулось удивительно медленно.

Узнавая звуки взрывания, прикременного и шинели, едва освещая тропинку, по которой шел Витор. Он пришел сто пятидесяти шагов. Опустился на колено. Положить взрывчатку.

Бегом назавд.

— Дивенение останавливает не надо. Приказываю, чтобы поезд снизил скорость. Километров до десяти.

Он извлек второй личи. И вновь ступил на десятиградусный путь, идущий с юго-запада к тридцатиметровой дороге. И снова бегом — за сплюсненной скоростью взрывчаткой.

В ту ночь он парен на своих руках 200 килограммов этого страшного груза. Он извлек десятки тетриповых шашек, способных взорваться от удара пистолетом. Он достал из промерзшей земли триста детонаторов, установленных на

нелепаненность. Каждый из них был начинен взрывом снайца — страшного, молчаливого, могучего взрывчаткой.

Друзья оседали кирзанинами фонариками место работы. Покой они подавали ему инструмент. Первые помогли выбраться из колодець. Молча, сосредоточенно каждый делал свое дело.

А по извилистой дороге шло поезда. На 106-м километре они заждались своей беды. Покой пассажиры. На последний площадке не единичного товарищю стол одинный «жесточкой» кондуктор. И никто из них не знал, что в это время Витор Джандов вступил в смертельную схватку за их жизни.

С тех пор прошел год. А сейчас Витор должен идти с нуля! Вот эту сторвадтингограммовую громаду. Грозит смертью, надо захватить ее ферму, запереть громаду, еще на кануно-то доло приблизившись к остроно прута, ставшего частью жиде Советого Ударишка орудиного затвора.

Странно ли тебе, Витор? Наверное, страшно, только сейчас нет времени думать об этом. Да и не чему ты думать! Беды ты конишь сюда потому, что так принажились тебе страхи. Они вонючий долг. Ты идешь на риск, но другого пути нет. Ты знаешь это. Знаешь и то, что обязан выполнить порученное тебе дело.

Витор еще раз потянул сараяд на себя. Тот едва подлся. Вслед за этим раздался шумок. Витор понял все: на сараяде был замкнутый взрыватель — механизм с часовым заводом. Освобождение от объятий фермы, колыно заводного механизма по колую справа налево. До того, нан сработает ударное устройство, оставалось пять секунд.

Пять секунд... Сколько это: много или мало? Очень много, если не считать на себе взрывчатку. Совсем мало, если за эти секунды тебе предстоит...

Витор опять потянул сараяд. Тот подлся вновь и теперь нажал на балли и пока, уравновешенный, еле-еле подкачивался вперед — назавд, вперед — назавд.

Колыно механизма продолжило свой путь. Вновь раздался щелчок. Кто-то поспешно спускает курок. Кто-то ошибается в жизни один раз. Я и то не имею права: вокруг меня люди! — думает Витор.

Теперь он хватает колыно, но дала ему провернуться дальше. Но одна рука не может сдержать силу пружины. Вторая заняла: ее он дернится за ферму. Он выворачивает ноги, висит вниз головой. Освобождаясь руки, рубается ножом. Загоняет его в крохотную щель под колыно. Колыно заклинило. Щелканье прекращается.

А сараяд все еще балансирует на балли. Теперь надо закрепить веревку. Он перенатывает конец через ферму. Обхватывает сараяд раз, другой. Одна петля находится на другом. Вбег оказывается связаным. Витор удерживает колыно механизма взрывателя. Теперь оно свисает вниз на высоту: Тетрип сараяд почти безопасен.

Он сидит на ферме. Хочет сказать. Но не спит. И, честно говоря, нет сил.

Он сидит, упираясь и смотря на горю. На великий город, людяи которого он посетил жизнь. Он не думает об этом, как, наверное, никогда не думали об этом его друзья — солдаты и офицеры инженерных войск: Витор Капустинский, Витор Моисеев, Овсардурди Султанов, Игорь Виноградов, Иван Гунгалов, Юрий Тараскин, Василий Сибель. Он смотрит вниз на город, а который раз восхищаясь его непеременимой красотой.

К сбору подъехал грузовой в сопровождении мотоциклистов, пожарных и санитарной машины: они приехали друзья. Теперь они очень нужны ему. Нужны как помощь.

— Пара винт, — сказал Витор вслух, хотя рядом никого и не было. Он похлопал по сараяду ладонью без всякой любви. Ведь тот уже стал поверхженным пленником.

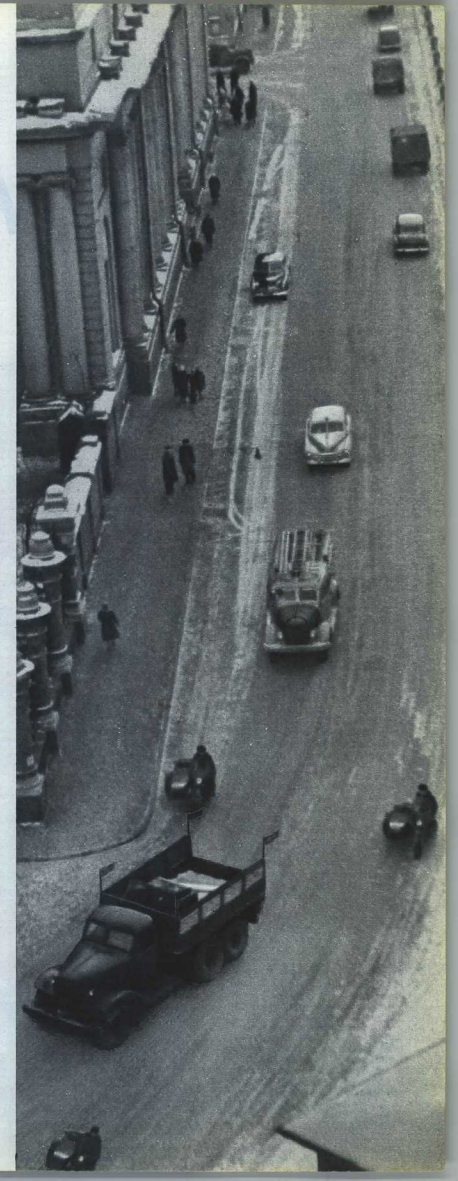
Поднявшись наверх, солдаты аккуратно стали спускать сараяд.

По од вечер он катал дощку на санях.

— Хорошо, что ты пришел вовремя, — сказала Алёнка. — Ты сегодня не возился со своими бомбами?

Витор не ответил. Только сказал:

Пойдем встречать маму...

Ал. ЛЕОНТЬЕВ,
мастер спорта

Центр надежды

К ак-то в Одессе, проходя мимо музыкального училища имени Столярского, я спросил у своего юнчика:

— Большая бля музыкант? — Его? Столярский? Что вы! Как музыкант-исполнитель он был не очень-то ай-ай-эй! Конечно, он не Менухин и не Ойстрак. Старик волею по-своему. У него было поразительное чувство на таланты. Осмотрят, бызало, Столярский пацана и его папы, прослушает душу терзающе рулады, взглянет в чистые, будто урненое море, глаза и скажет: «Из этого будет толк». И никогда не ошибался! Такое чувство одним даю на всю жизнь, а у других лишь изредка вылезается наружу...

Разговор этот вспомнился мне в Ростове.

Я ехал в троллейбусе с футбольного матча. Пожилой мужчина с лицом, покрытым густым бронзовым загаром, резко подчёркивавшим серебро его висков, с волнением рассказывал о прошедшей спортивной встрече:

— Молодец, Виктор Понедельник. Какой забил гол! А ведь кайтоси, совсем недавно пришел ко мне молодой белокурый парнишка. Голова большая. Ноги длинные, словно у Буратино. Бегал грузно. Ну, думаю, слишком несладкий, не найдет из него футболоста. Ударил он раза два-три по мячу. Вижу, есть канаято искорка божья. И возникла у меня где-то в глубине души симпатия к паренку. И, знаете, ничем ты ее не вытравишь.

Рассказчик задумчиво глядел на проплывавшие мимо окон реки эскадрильи алды и продолжал говорить:

— Шна однажды тренировка. Мяч быстро летел к воротам. Виктор повалился и ноку вывернул. Виктор перед этим, канало, еле-еле передвигался по полю, прямо засыпал на ходу. И вдруг словно стрела сорвался с туго натянутого лука. Метнулся вперед. Метнулся тогда, когда этого никто не ждал... В этот момент я уже окончательно уверовал в его талант!

Рассказчиком оказался Иван Ефимович Гребенюк — первый тренер Виктора Понедельника. Вспомнил он, как Виктор, овалдед мячом, всегда не спешил отдавать его партнерам. Лишь в тот момент, когда партнер освобождался от опеки и набирал скорость, Понедельник выладе-

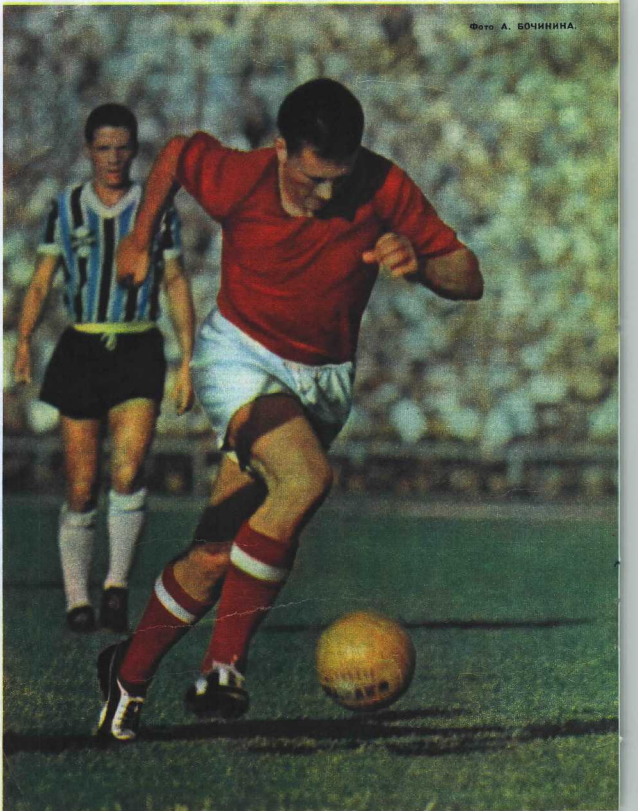
вал ему, как говорится, «разжеванный» мяч прямо в ноги. Чувство ритма, без которого немалыми первоклассный футболист, — вот что в первую очередь оценил в юноше тренер.

В музыкальное училище детей приводят родители. На кане только они не идут уловки, лишь бы ребят приняли в школу! В футбол дети приходят сами. Тут уже хитрить подчас приходится тренерам.

Известный журналист Владимир Никитович Понедельник, узнав об увлечении сына, потребовал, чтобы Иван Ефимович, попросту говоря, выгнал Виктора из юношеской команды ростовского «Буревестника». Чтобы «спасти» своего ученика, тренер пошел на психологическую уловку.

— Вспомните, Владимир Никитович, как вы сами когда-то

Фото А. БОЧНИНА

увеличился футбол. А как бил по воротам! — Да, играл! — Газва отпилился. — Ой! Если бы не дадут играть с плеч, хоть сейчас в мастера! — И выруг эпохально: — Но как-то в игре Орел! А Витязя! Но тот колесник. Не буду на него толкаться.

Отец отвечает отцом. Владимир Николаевич хитрил. В душе он не проявлял увеличения сына. Понедельник — старший болельщик, как бы сын не «зафутболил» учебу. Чего греха таить, и такое случается в наше время. Страхи отца, однако, были напрасными. Не видно в будущем Николаевичу одного: сын бил весь в отца — такой же упрямый и целеустремленный. Виктор не отменял от футбола и вместе с тем хорошо учился.

..Нолого ювочку, когда он впервые выступает в крупных соревнованиях. Рядом опытные, известные виды спорта, но совершенно он относится к дебютанту. И особенно трудно, если первое крещение приходится на международный матч. Каждая твою ошибка, каждая тапая удар кажутся заподозащими, и только вопреки сказанное теплое слово да ласковая улыбка товарища подбадривают молодого спортсмена, снимая внутреннее напряжение.

Все это испытал в 1956 году Виктор, выступая центральным нападающим в команде «Россельмаш» в матче против оштин. Понедельник быстро опутил «лохот товарищ», да и тренер Григорий Иванович Дуванов саботажно отболбал его. И все же Виктор не сумел тогда стать организатором ата. Даже забить ни гол — единственный шанс — не сползая из центра внутреннего неудовольствия заслонило радость победы.

С тех пор много воды вынес излив Дюв в Азовское море... Виктор успешно окончил педагогический институт и в напряженных поединках выдержал экзамен на спортивную зрелость. Понедельник — центральный нападающий номер один, игрок сборной команды Советского Союза.

Еще в 1948 году, — рассказывал мне тренер сборной страны Гавриил Дмитриевич Качалин, — мы заметили юного центрального нападающего ростовчан Игнатова. Он был тогда еще «сырой». В его дебютных выступлениях талант. Однако, чтобы талант разгорелся ярким пламенем, необходимо немало труд!

И снова Понедельника змучил характер. Внимательно приглядываясь к о партнерям, не поддавался перепадам настроения, нищий ему прием. Многого знал он от Валентина Иванова, Игоря Нетто и Славы Метрелии. Мастерство Понедельника росло, как дрожь. Он прибавил в силе. Более отточенной и разносторонней стала техника. Игровой почерк становился равниннее, четче, быстрее. Исходной основой стала и тактическая смекалка. Виктор научился маскировать свои замыслы. Книжные виды рейд, испаряющиеся оборону соперника, темп сочетал с скоростью осмысленными маневрами на фланги и в глубины поля, с умением в нужную минуту поддержать партнера. И еще одно отличие качество выработалось у

него — способность к самопожег-тованию, если того требовали интересы коллектива.

...1960 год — первый европ. Матч со сборной Чехословакии, — вспоминал Виктор, — был для меня первой официальной игрой. Обидно, что в тот момент встречи с поляками и другие международные матчи можно, скорее всего, отнести к тренировочным. Обычно я спокоен. На этот раз я оказался впереворот. И только победа над чехословаками волила уверенность, что можно выиграть и у югославов. Перед парижскими зрителями вступил в битву с вами и нашему врачу: «Свой гол я посвящаю вам, доктор!» И только в игре я почувствовал, как трудно сдержат объектив.

Да, забить мяч в этой встрече было трудно. Советские тренеры выдвинули центрального нападающего вперед. Он слово вывелось, но не хватало допущения соперники одно неверное движение. Опытные югославы, чтобы обезопасить нашу «девятку», выжидали простоя, пока не казалась, верное средство, решил поаждать Виктор силой. Его бесцеремонно толкали, грубо били с ног. А он молча, без жалоб поджимал и упрямил свое вперед — тула, где в каюках доло секунды могла решиться судьба матча. Настойчивость и мужество Понедельника, так ярко проявившиеся в трудном поединке с югославской командой, привели успех команды СССР. На последних минутах встречи курок сработал — Виктор забил решающий гол.

Оноличис составление. Совершен круг почта. Виктор вошел в раздевалку и уля в кресло. Сидел там, как в раю.

— Доктор, я выполнил свой долг. Теперь ваша очередь...

И врет так же отлично выполнял свой долг. Он слово вывелось в первенстве Советского Союза команду ростовского СКА снова возглавлял быстрый и острый в атаке Понедельник. ...У каждого человека бывают сложные времена... Для Виктора Понедельника, пожалуй, самым трудным оказался прошлый год спортивный сезон. Слово что-то надорвалось. Игра не клеилась. Появлял неверие Виктора в свои силы.

Да, горе тому, кто в такой момент не сумеет справиться со всем, чтобы нанести решающий удар по сомнениям, развить их, побороть свою слабость. Не сделавшего этого — не замечая, как опускаются и ожажается в пропасть.

Начало сезона было для Виктора скляном. Он не чувствовал радости. Пару раз он показывал его. Неудачи преследовали центрофранга и в матчах своего родного коллектива и в сборной. Словом, было отчего растеряться. Он ста безразличным, казалось, готов был сдать.

— Бросить надо футбол! — делится Понедельник своим мнением. В это время отдал себя журналистике.

Проходили дни, недели. Виктор понимал, что поключить о любимым видом спорта у него не хватит сил, что ему придется пытаться взять себя в руки, — решил Виктор, — попытаться побороть болезнь». Характер и в этот раз не пошел его в склянке с самим собой.

В конце сезона Понедельника включили в состав сборной страны, выезжающей в Турцию. Однако ему было отведено место на скамье запасных. Тренеры Гавриил Качалин и Николай Гуляев верили в его возрождение, но, конечно же, не могли рисковать в столь ответственном поединке, как отборочный матч чемпионата.

И вот после победы в Турции сборной СССР прибыла в Южную Америку. Во встречах с командами Аргентины, Чили и Уругвая советские футболисты держали равнение на простоту. Перед матчем с Аргентиной снова встал вопрос: кого ставить в центр?

— Сыграешь, Виктор, как надо?

— Сыграю!

— Так тому и быт!

И Виктор сыграл. Да еще так, что известный французский спортивный обозреватель Франсуа Тебо вынужден был признать:

РЕКОРДНЫЙ СЧЕТ

Разные существуют рекорды. На хоккейных чемпионатах мира, например, ведется учет количества забитых наиболее количество шайб. В частности, на Олимпийских играх в Кортине д'Ампеццо лучшим стал наш Виктор Шувалов. Кроме того, в летних олимпиадах отмечаются наиболее крупные результаты, которых добивались отдельные команды. Тут рекорсменами являются нидерландские хоккеисты. 49:0! С таким результатом они однажды разгромили хоккеистов Норвегии. Рекорд этот вряд ли когда-либо будет побит.

БЛАГОРОДСТВО ОБЯЗЫВАЕТ

Эта известная французская посылка вспоминается при чтении заметки, опубликованной французской газетой «Экспресс». Имя Чарльз, наследник английской короны, набрал катитантом школьной футбольной команды. После одной из его противник принца забавил журналистам: «Играл я футбол против принца Чарльза одно удовольствие. Намучился, когда он забирал мяч, но во всеулыбели извинился передо мной...»

«Классический образец современного центрофранга — это Понедельник. Он быстрый, решительный, техничный. Ему знакомы все тактические секреты сегодняшнего футбола». Вспомню, качества, подмеченные Тебо, помогли Виктору забить оба гола в ворота Аргентины и не оставить безнаказанным вратаря сборной Уругвая.

Теперь Виктор Понедельника, как и все нашу сборную, ждут чилийские стадионы. Матчи на червеном мире... Какие другие оставания могут сравниться с ними по остроте и напряженности. В этих ответственных поединках Виктору предстоит возглавлять атаки нашей сборной. И хочется верить, что он сделает это не хуже, чем во время турне сборной по Южной Америке... Любители спорта от души желают Понедельнику, чтобы его талант не погас на остроте и напряженности. Пусть Виктор, как и нашам футбольным победителем.

«СТОИТ ЛИ ПОДНИМАТЬ ШУМ?»

Все началось с США, по чемпионату колледжей 1970 года в результате сильного удара по голове умер Чарли Мор. Смерть юного волевого человека. Ряд журналистов высказался за запрещение занятий боксом в колледжах. Предлагалось запретить также и некоторые другие опасные для жизни виды спорта (например, гонки на автомобилях). Любопытный прием использовал в защиту студенческого бокса Ред Чисольм, секретарь Союза тренеров по боксу в колледжах. Он заявил, что стоит ли поднимать шум из-за одного смертельного случая, дающего в год во время матчей, по американскому футболу среди студентов больше зарегистрировано 29 смертей!

СУДЬБЫ В ПЛАНКЕ

Римский футбол Дзанинчичелли в команды «Спорт Боччелло» был дисквалифицирован за нарушение правил. Судья не заметил, что в этот раз недовольным судьей, дисквалифицировав его, это произошло. После этого он был дисквалифицирован по обвинению в том, что судья дисквалифицировал себя. Обсуждается вопрос, как лучше поступить с провинившимся игроком, чтобы Дзанинчичелли не удалось избить третьего судью.

СЛОВО ПОЭТАМ ОДНОГО ГАРНИЗОНА

Балтийск — один из самых замечательных городов нашей Родины. Служат здесь охранный родной рубеж, три друга, три поета. Военные специальности у них разные: Марк Кабаков — инженер, Никита Суслович — полнотракторник, Анатолий Краснов — воспитатель. Их родят молодость, жажда романтики, любовь к морю и, конечно, любовь к поэзии.

«Смена» представляет слово молодым поэтам — офицерам Краснознаменного Балтийского флота.

Анатолий
КРАСНОВ

РОССИИ

Меня твои
Вспомни реки,
Я клуб твой ел,
Чтоб шел он впродолжение.
Я думал:
присно и вовеки
Нести мне
Крест
Земных дорог.

Но не отрицать
И не посетуй,
Что я, тебя одну любя,
На встречу с дальнею планетой
Все ж улетаю от тебя.

Но есть ли где такие сны,
Чтоб погасить твою звезду?
По ней иду к тебе,
Россия,
Сквозь все галактики иду.

Я благодарен жизни
За доверье,
За небо,
Пек которым я
Расту,
За то, что понимаю я деревья,
Их вечное движение в высоту,
За то, что слезы последние метла
Любовь проливала
К сердцу моему...

Шагая лесом в ясный день апреля,
Дышу светом
И радуюсь всему.
Деревьям трудно —
Кроны их знакомы
С неугасимым чувством высоты.
В них ударяет ветер с космодрома
И ветер человеческой мечты.
Иных миров
Им слышен голос древний,
А мы тут
Несем свои огни...

Когда-то я завидовал деревьям,
Как они теперь завидуют они.

Марк
КАБАКОВ

РОМАНТИКИ

Здесь не говорят, что любят море,
Не глядят на волны с восхищением.
Море — это сутками в дозоре,
Волны — лишь помеха на ученье.
Доскать, завязать, синие лавины —
Это для поэтов, бойких молодых.
Нам судить о море по глубинам,
По скале в двенадцать строгих
блалов.

Это так.

А часто смотрят все же
В синеву без видимой причины...
Ведь о том, что им всего дороже,
Очень редко говорят мужчины.

МАЙСКОЕ УТРО

Окна пушистой веткою
Весна распахнула рванья.
Недаром ей семиметрово
Тоже дано задание:
Над всем земскою вспаханной
Ковры зеленые выстелить...
И дышнть медовым запахом,
Первыми клевыми листьями.

С утра
не гудки привычные —
Горы запыли молодое.
Встают районы фабричные
Нового нашего города.

Туда,
где Ильяч над знаменами
Руко протер в градущее,
Идут токари с вагоновою,
Идут рыбаки и трубочки.
И грому шагов уверенных
Шар земной отталкивается.
Так в маршах,
в песнях и зелени
Первый май начинается.

Ц В Е Т Ы

Едва рассвет поднялся над землей
И ожда лес, услышав птичье пенье,
Как Родина тревогой боевой
Нас властно позвала в подразделение.

Был воздух чист,
дремотен,
синева,
Длинные моря ощущалась еде,
И, к сонному догай обречая изглад,
Покачивалась, ландшапы белая.

Огромными букетами кусты
Сережи выростала у дороги.
Цветы, цветы,
по всей земле цветы,
И не было им дела до тревоги.

Летели тучки к ним издали,
Плутчим медом чтоб напоить соты.
А от стенок нашего полка
На ближний старт ткнули самолеты.

И, закрывая платно фонари,
«Добро на взлет пилоты получали
И над гвардейской лентою зари
Турбинным ревом оглушала дали;
За парня паря, угоня в полет,
Мгновенно исчезал в бладоной сини,
Несся в просторы голубых высот,
Как мне теперь завидует Россия.

КАЛИНИНГРАД

Словно список на ротной поверке,
Скоропай перечень мраморных плит.
У дворца королей в Кенигсберге
Был солдат под каштаном зарыт.
Мы повисем минутным молчаньем
Тех, что пали в жестоком бою.
Но уже за разрушенным зданием
Молодые кварталы встают.

И звучат мне названия гордо
За привычно трезвою звонка:
— До завода трамвай!
— До рыбпорта!
— До УЭЛал!
— До ЦКБА?

Там, где ветер гуляет балтийский,
И в тропических садах морях
Морская своим портом приписки
Города наш называю не зря.
И вот этот мальчишка хихристый,
Что им манит с одной из отряд,
Скоро впишет в свой новоязский
паспорт
Калининград.

1 УЭЛ — Управление экспедиционно-ного дела.
ЦКБ — Целлолозно-бумажный комбинат.

Никита
СУСЛОВИЧ

РАКЕТА

Мы помним,
как задолго до рассвета
В степи Приволжской
Взметнулась к небу много лет назад,
Взметнувшись к небу русская ракета,
В атаку поднимавшая солдат.
Вся жизнь ее — секунды горенья.
Но, отрывая роты от земли,
Она была одной из тех ступеней,
где человека
в космос
привели.

МИШИНА

Оплет погода сумрачна, дождливая,
Плывет ветер, гладь водам дробя,
Туман, припопавший в город от залива,
Хозяином здесь чувствует себя.

По городу прошелась без опаски,
Забрела в гущу парковых аллей,
Потрогала наружные повязки
На форменных шинелях павлуей.

Маяк устало ты ночью вынул,
К залуству так обветренным лицом.
Спит гарнизон.

Но этот сон обманчив.
Он как граната с сорванным колпаком.

В стволах орудий, в ступицах моторов,
В сквозной сладе, собранной в кулак,
Здесь тишина наминает порох.
И пусть всегда об этом помнит взра!

ХЛЕБ

Он сытым был и ничего не познал,
Взметнулась равнодушная рука...
А я держал когда-то на ладони
Сырой комок благодного пайка.
Я знаю, сколько весит эти крошки.
Я не забыла измученных людей,
Встречаешь ежедневные бомбежки
В релюциях Цехов
Свердлей. Писать об этом
Но я молчать не вправе о таком...
Передо мной ломоть ржачного хлеба,
Раздавленный Тяжелым Балластом.
Ракеты наши прочтены небо.
И в коммунизме проложены пути...
Но для людей, забывших цену хлеба,
Нам стоило бы карточки ввезти!

БАТЛИ НА БОЛТАХ

Небольшой обзор творчества армейских шахматистов мы начинаем с демократичной великоленой партии Е. Геллера во встрече с двукратным чемпионом СССР спартаковцем Т. Петросяном. Эта партия состоялась на недавнем командном первенстве страны.

Перед вами сложная позиция, сложившаяся после 12-го хода белых. Понятливо проследить, как энергично и в высшей степени искусно Геллер, игравший черными, захватывает инициативу.

Диаграмма 1

Военные операции начинаются с мощной жертвой пешки. 12. b3! 13. Kd1 Kh5 14. g4 Kd3 15. Ld1 K:e2 16. Kp:e2 17. Kp:d2 Фd3 18. Лd3 Фd3 19. Kp:d2 h6 20. f4 Kd3 21. Ld1 h5 22. Сd2 h5 23. f4 Лd7 24. Kf2 Сb5 25. Kh3 Лf6:

Крайне редко Петросян оказывается в столь грустном положении, где у противника полное позиционное превосходство. 26. h5. Фd3 27. f5 28. Kf2 Фd4 29. Фd2 Лf8 30. h3 Kc5 31. Ld1 Фd4 32. Лd1 Сd3 33. Лd2 Сc3 34. Лf2 Ф:g2+ 35. Kp:g2 Сd4+, и черные легко реализовали свой перевес.

Атакующие манеры игры почти всегда предпринимает в этой партии армейский командир — молодой мастер Э. Гурфельд. Уступая в матче против «Спартак», он огульно разгромил гроссмейстера Г. Холмова. Вот как это произошло:

Диаграмма 2

На диаграмме позиция, которая получилась после 13-го хода черных, которыми играли спартакосцы. Любопытно, что первым начинает филигранные действия противник. Но победна на финише оказывается за белыми. Армянский приторжествовал атаку черных, а сам развернул главную стремительную пешечно-фигурный штурм, что

король гроссмейстера очень скоро оказался беззащитным. 14. He5! b5 15. Лhe1 a5 16. K:d7 Ф:d7 17. c3 Лf8 18. Сd2 g8 19. h4 Лc8 20. h5! Kf8 21. Фd1 K:h5 22. g4 Kf7 23. Лh1 f5 24. Фd3 h5 25. gh 26. Ldgl Фe8 27. Сdll Черные сдались.

Любители предпринимать атакующей игры смеются и второй армейский чемпион — «без пяти минут» мастер, рядовой В. Жидков (Одесский военный округ). В последнем первенстве Бюроупренных Сил Жидков сыграл, несомненно, матисное наравне поражение ленинградскому мастеру Л. Шамаеву.

Диаграмма 3

На очереди 25-й ход белых. Жидков играл черными. Он повернул фигуру, стремясь развить наступление на позицию короткой рокировки партнера, который напрасно оповестился за лишней фигурой и был жестоко наказан. Партия закончилась так: 25. С:e5? С:e5 26. С:g4

J: h2+ 27. Kp:g1 Фh4 28. Ch3 Фc3 29. Kf6+Kf8 30. Kp:d4 Сd4+ 31. Лf2 Л:c3 32. Kc3 Фh2+ 33. Kp:f1 Фh1+ 34. Kp:e2 Л:c3+ 35. Kp:d2 Ф:e1x.

На тех же соревнованиях были сыграны еще две интересные партии. В одной из них отличился рядовой из Приволжского военного округа, нашедший в мастера В. Коган, игравший черными с кандидатом в мастера В. Желдиным.

Диаграмма 4

Эта острая позиция получилась после 17-го хода белых. При разносторонних рокировках почти всегда решающее значение имеют инициативы. Это лишний раз убедительно доказывает молодой армеец. Он в темпе ловил атаку на неприятельского короля, и противник не успев даже подумать о какой-нибудь контрмере, вынужденный лишь изо всех сил отбиваться от угрозы черных. Борьба закончилась так: 17. С:c6 18. bс Kd5 19. Kp:d2 b4 20. cb Фe4

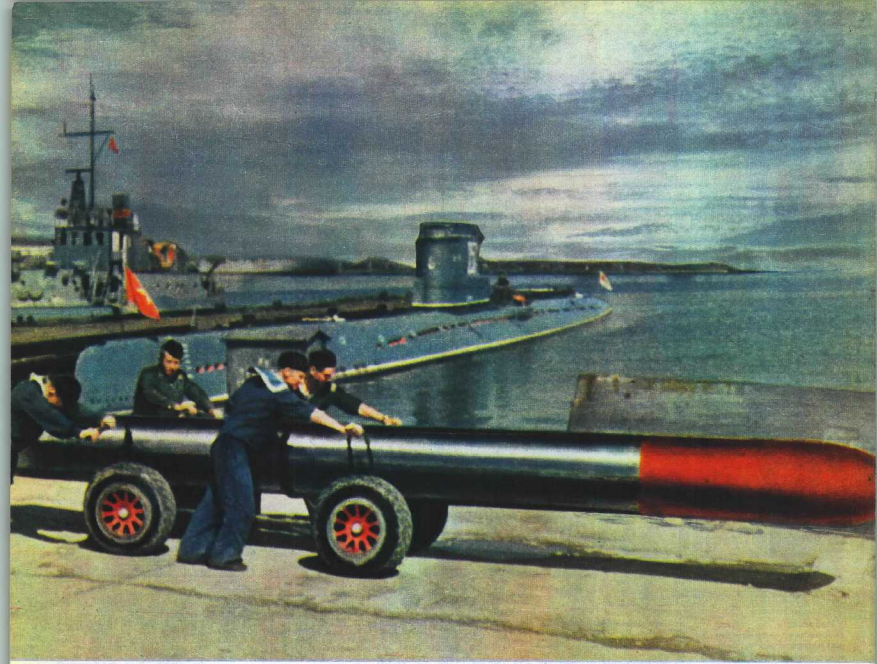
21. Сd3 c3+ 22. Kp:c1 K:b4 23. Фa4 a5 24. Лh2! Kc5 25. f4 до Фe2 27. Фb3 Лd3+ 28. Kp:f1 c2+! (ферзильный заключительный ампор!) Белые сдались.

Красивой комбинацией с жертвой ферзя и ладьи добился победы над сильным ленинградским мастером В. Шиншиным армейский из Дальневосточного военного округа кандидат в мастера В. Тимофеев.

Диаграмма 5

В этой позиции 25-й ход В. Тимофеева, игравшего белыми, он не терпит времени на отвод своего ферзя, находившегося под боем неприятельского короля. Смог жертвовать еще ладью, он продолжает атаку и успешно задирает вокруг короля противника матовую сеть. 25. Л:h7! K:e4 (или 25. Kp:h7 26. Ф:f7+ Kp:f7 27. Дh1x) 26. Ldhl e5. 27. Сe4! K:e5 28. fe f6 29. Сb7+ и выигрывает матовую материю сдались.

КАК РОЖДАЕТСЯ ПОДВИГ

В переполненном зале матросского клуба взволнованно звучал молодой, сильный голос:

Мы заведем редам наших,
Бравших Зимний и Перелоп...

Я невольно задержался возле группы моряков у открытой двери. Не эстраде читал свои стихи парень в матросской форме:

...И чтоб быть нам на них похороши,
Тонше нищен в зимнем злате,
Только наметет нам, все же
Раньше это было не так.

Да, действительно раньше было не так. Были жаркие бои, Одесса, «Малая Земля», Десятиги под ураганным огнем. Асфальте редеи катериков. Ледяной ветер Тамани и раскаленные камни Севастополя...

И, конечно, нрав уют, когда воспеваются ритмича домана, мужеством старших поколений. Но, может, мне просто показало, только он о какой-то грустной ирониче говорила о себе, о своих сверстниках...

— Где уж вам! — вырвалось вдруг у моего

соседа-матроса, невысокого крепенька. — В войну люди подвиги совершали. А мы...

— А ты погоди, — перебила его другой, постарше, — дослушай стихи до конца.

Хотелось и мне послушать. Но, как на грех, не было времени. Уже спускался по лестнице, я вспоминал недавний разговор в одной кают-компании. Офицер, месяц назад прибывший на корабль, горячо доказывал:

— А лишь в момент отчаянной схватки с вра-

гом, в порыве ярости простой воин поднимается до героя...

Крепко, чуть не до ссоры, поспорил мы тогда.

И вот снова тот же мотив, то же убеждение: — Ну какие сейчас на флоте подвиги? Служба — и все...

Улица швырнула мне в лицо полную пригоршню солнца, свежего ветра и запахов наступающей весны. По каменным ступеням я под-

являясь в гору, останавливался на площадке. Широко простирался вокруг болотистый горный долина, на рейде его вдали темнели вырисовывались силуэты крейсера. Поднятая пенные буруны, уходящие в море на увенчанные стрелителем каперы...

Неожиданно поворачиваясь в воду, полагая, нетрудно понять того крейсера. Тем более, если предположить, что служат они по первому го-лу... Тепло, светло, тишина такая уютная. Вот и ринуть: какое уж тут трудности службы, какие опасностей!

Голубела внизу сквозняк ширь бухты. У причала ошвартовывалась какой-то очень знакомый корабль. Ну, конечно же, вспомогательный. Это на нем служат котельные машинисты Александр Савиных, Александр Петрович Перескин, Сисеганевы. Их знают сейчас все черноморцы.

— Сперва где-то в подходе котла космалась свист, потом последовал взрыв, и в отсек волевался вырвется до двухсот градусов пар. С каждым мгновением он все больше запоника помещене. Своясь молочную волеву Александр увидел искривленные больше лана товарищев. Их глаза встретились, и в эту долю секунды всем стало ясно, что произошло. Они уйдут отсюда, что еще есть шансов спастись. Можно выскочить в шахту, задерать дверь, подняться наверх... Но ведь это значит ступить, подвести экипаж и, может, погубить корабль... Уж лучше смерть, чем гибель!

А обваренные пальцы уже находили нужные рукоятки. Внезапно погас свет. Морья продолжали действовать в темноте. Как привиделся им в эти секунды отвлеченное звание своего дела!

Урингаги открыл аварийный люк для выхода пара. Оставалось только дать полные обороты моторам вентилятора... Александр занялся курсорками, Андрей — штурманом. Перескин, подбирался к клапану разбрызгива котлов...

Пятьдесят секунд продолжалась эта борьба с аварией. Пятьдесят секунд — интимиго мало, но такого нечеловеческого напряжения, когда и вода потребована они от моряков-комсомольцев!

Когда Овдеико, Гаджино и Сисеганеву сказали, что сейчас, в мирное время, они совершили подвиг, им никто не поверил.

— Мы действовали по инструкции.

— Но ведь в инструкции не сказано, что человек должен устранить аварию с риском для жизни.

А что было бы с кораблем? А как бы смотрелся в глаза товарищам, если бы испустился и убежали...

Инструкция, долг, воинская честь, матросская дружба... И как ведь всего — подвиг.

«Как же рождался он, подвиг?» — часто спрашивает себя Александр Коренигин, старшина первой статьи с одного из кораблей. Ему двадцать три года. Он, как и тот молодой матрос, что читал в клубе свои стихи, знавал тех, кто брал Ленинский штурмовик Перескин, кто проносил с боями от Волгограда до Берлина.

Первым спрыгнул с десантной берки и под кипящим огнем устремился на вражеские доты, уходящая за собой цепочка товарищей была безобразна, не раздумывая ни секунды, погна на таран вражеского самолета... Мгновенье, всколыхнувший взлет души — вот он, подвиг.

А как же была прознякая жизнь героев? Ведь росли они, испытывались среди своих людей, работали, выходяли друзей, любили, боролись с трудностями, крепил физически и духовно... Не было бы все это предвещанием к тому великому, что совершил он в один момент?

Ведь и знаменитый черноморец Цезарь Куников был когда-то обыкновенным, может, даже таким, как Петр Фисюк или Василий Анисин. И вполне возможно, что, как и Фисюк, кто-то старший итотавлял ему: «Нужно нам это, нужно!»... И он отъи-в-тот, как в Фисюк, кто-то Коренигин узнал чужды на шлюпку, старшая отвернулась от «единных злогов». Потом наконец покаял: при коммандри — и убавился от того, что пересидел себя все, наверно, как убавится сейчас Фисюк, доводящий тем, что овладел гробом, стал спортсменом...

— Зачем вы учите нас, водолазов, трюмному делу? — спрашивает у Коренигина Василий Анисин.

И в самом деле, зачем? Ведь вполне спокойно можно прожить и без этой двойничательной работы.

Можно. Но стоит ли Вот сам он, Але-

РАССВЕТ

Когда у мчащейся паллеты трещат натянущие нервы и расчеленные ракеты спокойно подкарают небо —

смеются дети в добрых снах, и возде каждого порога стоит таша тишина, что хочешь

её рукой потрогать и этой тишиной расвета стремительность Земли окутает.

На расчеленные ракеты облогодилось утро.

Г. ЯКУШЕНКО.

кандид, инструктор-водолаз и вместе с тем трюмный машинист первого класса. И корабль его, как дом родной.

Взавсе Василий Анисин за учебу. Ведь и в самом деле нехорошо не знать родного дома...

Может, и такое что-нибудь с тем же Куниковым случалось? Не сразу, наверное, выработался характер, а постепенно, вот так же, как выработался у Фисюка, у Анисина. И опыт, почерпнутый у товарищей, пригодился, как наверняка пригодится Фисюку его умение управляться с веслами, а Анисин — новые лавины. И, кто знает, может, именно эта спортивная закалка поможет Петру, а способно заменить трюмного машиниста Василию совершить в будущем настоящий подвиг, не менее значительный, чем тот, который совершила Куников, Галактико и война, а моряки с вспомогательного корабля в дни мира...

Чем глубже постигает Александр Коренигин нутку воинского званья и мастерства, чем лучше узнает людей, тем больше убеждается, что не на нутом месте и не в момент исключительного стечения обстоятельств вырастают у души крылья для взлета. Ежедневно, ежесекундно на таких мелочей воспитывается мужество в человеке. И когда в решительную минуту он рискует жизнью ради других, то действует сознательно. Человек подготовлен к этому, и его героический поступок — закономерный итог тех внешне незначительных, маленьких побед, которые он одерживает одну за другой, прежде чем победить в самом трудом, в самом суровом испытании.

Так, по глубокому убеждению Коренигина, рождается подвиг.

Но ведь слышал он и иную точку зрения: «Личь в момент отчаянной схватки... в порыве ярости...» Эффективно! Только не надо провозглашать эффективных фраз! Пусть они звучат подальше от корабельных палуб, оставаясь принадлежностью того пресловутого «флотского шика», который не имеет ничего общего с подлинной морской службой!

А служба — вот она: уныно, становясь классным специалистом, закаляя тело и душу, готовя себя к тому, чтобы, если грянет бой, не дрогнуть перед лицом опасности, рассчитывать, во что главу бить врага.

Интересна у Александра Коренигина служба!

А у Хасабекса Гаджиева?..

Рождался в юности колыма трюмного боя. Словно подброшенная пружиной, вскакивает моряк и уже через минуту, стая на палубе спасательного корабля в полном снаряжении, узнает: погублена радиотрама. В Н-ском квартире...

Потом трагический переход в секцию водолазов, поиск, первый спуск. И вот внизу уже отчетливо вырисовываются контуры гигантской стальной сигары. Подлодка неподвижно лежит на грунте, поврежденная взрывом мины...

Хасабекку отлично известно: никакая мина

не взорвалась, авария нет, безвоя тревога — учебная. Но что это слово? Звучитывающиеся в сознании и уходя в будущее, и сейчас водолазом владеет одна мысль: «Скорее, скорее...»

Скользя лавбуя подлодки так и морозит уйти из-под ног. «Голубо бы не сорваться», — шумит Гаджиев. Плавовидится, стараясь подуть плытия, ухватывается тещением. Идти непереносно трудно, приходится призвать на помощь всю силу, весь свой опыт, чтобы метр за метром подниматься вверх.

Половец гужа хватается за крепко аварию-го локса. Морья набрасывает на него пелото троса. Теперь можно спускаться водолазным колодом. Он накротел люк, присоединил к колодке, примет водолазов и поднимет их со дна на поверхность.

— Есть у главного старшины Хасабекса Гаджиева красивое, совсем новенькие часы «Победа».

— Где купил? — спрашивают иногда у Хасабекса.

— Подарок это, — следует короткий ответ. Но друзья Гаджиева охотно объясняют тому, кто «не в курсе», или поговичу: «Недавно по учебной программе мы совершили поплавок поднимали. Вернулся главный старшина с грунту, вылез из барокамеры, тут я... Сам адмирал врал. За отличие выполненное задание...»

— Куда-то из-за горизонта доносится приглушенный рывком гула. Что это? Учебные стрельбы? А может, вслепую воля рогатов смерти, у которой воящий жалоб. Не прекращаются свои работы тралявщики, опшцающие родные воды от мины...

Служба.

Обшаривают побережье саперы. Извлекают из земли и где-то на уступках расстрелявают извлеченные рожачивой бомбы в саперду...

Служба.

Днем и ночью уходят в заданные кварталы корабль, оберегающие морские границы Республики. Туман ай, дождь, жестокий шторм — не выводят их с поста.

Все та же служба.

Мирные дни. Не свистит над головой плути, не слышно в небе воя вражеских самолетов. Но с моряком всегда быть занавиравит. И мирное, таян оно в себе немало опасностей. И сегодня есть в нашей флотской жизни место для подводов, для героических дел.

А как же тот крынин, что встретился мне в клубе? Ведь он, кажется, много месяцев в морской службе...

Через несколько дней после выступления наших поэтов поналась мне на глаза флотская газета, а в ней стихотворение, написанное старшим матросом Юрием Хреновым, — то самое начало которого я слышал тогда. Нет, не сегодня Юрий на время. Не обделало оно юных героических делами. Ведь

...Недаром в партийных планах Внесамичу из Программы написать на девле делами «Моряк-герой». И уверенно: это слово мы не забудем! — словом еще. И что сами завидую прошлому — Это, может, и хорошо. Но подлинный — время будет: Кто-то, в наши дни углубясь, встретится с такими «великими людьми» Это будут слова о нас!

Вот он, лучший ответ тому, кто сомневается в силе слова.

Иногда не хочет ничего легкого. Пусть в учебных походах «противник» окажется достойным того, чтобы с ним можно было по-настоящему померяться силами! Пусть колокола трюмного боя так и звучат, захватывая всего свистя, пусть стрельбы проводятся в тумане и в дождь, водолазы, которые надо спасать, «тонуть» на предельной глубине, торпеда, которая выходит на «цель» в штормовую погоду...

Только такая служба и по сердцу молодому моряку в мирные дни. Нужны ему крепкая закалка, настоящий характер, сквозная уверенность в том, что ты можешь, захватываешь для всего того, что сумел свершить на крутых дорогах жизни наших отцы и деды.

С. КРУТИНОВ, старший лейтенант, промисник начальника политурагивания Черноморского флота по комсомольской работе.

Рисунки А. БАВАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА.

В прошлом году «Смена» начала печатать (№№ 17—24) научно-фантастический роман Г. Мартынова «Встреча через века». Сюжет, описываемый в романе, переносит читателя на тысячу девятьсот лет вперед в 39-й век. При археологических раскопках ученые обнаружили забытый свинцовый ящик, в котором находилось тело участника Великой Отечественной войны Героя Советского Союза Дмитрия Волгина. Успешными учеными 30-го века, и в первую очередь биолога Люция, удалось воскресить Дмитрия Волгина.

Такая обстановка, наш современник попадает в мир будущего, когда коммунизм стал единственным общественным строем на нашей Земле. Все в этом мире, и сам люци, и характер их взаимоотношений, и их дела, поступки, планы — ново, необычно для Волгина, и он поначалу чувствует себя среди новых современников, а привыкается к себе. Но постепенно с помощью друзей Дмитрий Волгин оказывается с обстановкой и начинает знакомиться с жизнью людей 39-го века. Постоянными спутниками Волгина становятся два молодых человека — Миря и Владыкин. Вместе на Землю на посадку из дальнобойного космического аппарата космонавт «Ленин», запущенный Советским Союзом в 21-м веке. Двенадцать человек экипажа космолета — Игорь, Второе, Виктор Озеров, Михаил Кривковский, Джордж Вильсон, Мария Мельникова, Ксения Станиславская, Константин Югов, Федор Федоров и другие — провали в космос вместе лет по земному времени, но за это время на Земле, согласно теории относительности, прошло 1800 лет. Волгину, конечно, Землю, они, как и Волгину, попадают в совершенно незнакомый мир и они знакомятся с жизнью, работой, бытом наших далеких потомков.

Во время одной из бесед пришельцы из двадцатого и двадцать первого века узнали, что на Марс, который и тому времени уже давно облетают люцины, живут фаэтонцы — разумные обитатели планеты Фаэтон. Они являются в результате звездной катастрофы погибших, но не уничтоженных космонавтов на другую планету, находящуюся вне пределов солнечной системы. Однако условия жизни на новой планете оказались неподходящими для фаэтонцев, и они решили вернуться в пределы солнечной системы. Несколькими фаэтонцами предпринята попытка высадки на Землю.

Волгин со своими друзьями захотели познакомиться с фаэтонцами, живущими на Марсе, и для этого решили предпринять межпланетное путешествие.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава пятая

I

Снова Космоград! Снова гиганты-небоскребы, колоссом окружающие взлетное поле, поражающие вновь своими размерами и странной архитектурой. Волгин смотрел на них теперь другими глазами. Это были здания, привычные тем, кого он увидит в скором времени, — фаэтонцам, людям иного мира, иной культуры, с иными вкусами и привычками. Сейчас, когда он знал, почему Космоград не полюбил на земные города, Волгин видел многое, что в первое посещение не привлекло его внимания. Правда, тогда он был всецело поглощен ожиданием прилета экипажа «Ленина».

Предложение Волгина слететь на Марс и познакомиться с фаэтонцами против всяких ожиданий было принято далеко не всеми. Большинство космонавтов изотроп отказались.

— Я по горло сыт космическими полетами, — заявила Ксения Станиславская.

К ее словам присоединились еще шестеро. Только Второе, Котос, Кривковский и Мельникова согласились сразу и даже с радостью. Виктор Озеров не сказал ни да, ни нет. Ему явно хотелось лететь с Волгиным, но Ксения оставалась, и Виктор колебался.

Котос за два дня до старта неожиданно заболел, и это чуть было не сорвало все намеченный план. Мельникова ни за что не соглашалась оставить больного, а без нее не полетела бы Мэри да, пожалуй, и сам Волгин. Но вызванный Владыкиным врач успокоил всех.

— Это просто нервно утомление, — сказал он. — Искусственный сон к все будет в порядке. Но полет на Марс или куда бы то ни было световую лодку отложить. По крайней мере на пару месяцев. Не нужно новых впечатлений.

Котова уложили в постель, и он заснул просто и спокойно, как будто дело происходило не утром, а вечером, в обычный час сна. И никто не заметил, как это было сделано.

Никаких лекарств больному не давали.

— Он будет спать три суток, — пояснил врач. — Один раз в день будите его и кормите пищей, которую я назначу. Потом он будет опять засыпать. А когда придет три дня, ваш товарищ совершенно поправится.

Мельниковой нечего было делать возле больного, и она согласилась лечь со всеми. Виктор же так и не решился покинуть Ксению.

...И ракетолетом со всех сторон шли люди. Их было много.

— Никогда не думал, что пассажиры на Марс так многочисленны, — сказал Волгин. — Что им нужно там? Или это все любопытные, как мы?

— На Марсе, — ответила Мэри, — сейчас живет свыше трехсот тысяч человек. Возможно, что среди них есть и туристы, но в большинстве это работники очистительных отрядов, строители станций и другие предприятия, которые в большом количестве строятся на планете. Решено окружить Марс атмосферой, и это стоит billions труда.

— Была, — сказал Второе, — люди ездили не на соседнюю планету, а в другой город. И у всех всегда был багаж. А здесь? И у кого ничего нет в руках.

А им самим? — Кривковский развел пустыми руками. — Едем, как на прогулку.

Не только Волгин, никогда в жизни не видевший ни одного межпланетного корабля, кроме того, на котором прилетели с Ганимеда космонавты, но и они сами очень удивились, увидя рейсовый ракетолет.

Самое это слово заставляло думать, что полет будет совершен на ракете. Ракетолан «ЦМП-258», на котором прилетели на Землю члены экипажа космолета «Ленин», имел еще внешне признаки ракеты — удлинённый фюзеляж, сигарообразную форму передних частей. Но корабль «Земля-Марс» не имел ничего общего с «ЦМП».

Огромное кольцо бронзового цвета, до ста метров в диаметре, высотой в пять метров, было увенчано сферическим куполом из бледно-желтого металла. Ни одного окна, ни одного иллюминатора, только вину, кольца, виднелась дверь — отверстие овальной формы.

— Ну вот, — разочаровано сказал Волгин, обращаясь к Мэри, — а ты горюла!

— Увидишь! — еще раз ответила девушка.

— Этот корабль, — по-русски сказал Второе, — очень похож на здание церкви. Только очень уж огромное.

— Спросите, — попросил Вильсон, — на каком принципе устроен корабль? Антигравитация?

— Да, — ответила Владыкин. — Ракетолан использует в полете гравитационные поля Солнца, Земли и Марса. Но нам пора идти, до отлета восемь минут.

Торопливое прощание, и улетачные направился к ракетолану. У входа их встретил человек, одетый в традиционный комбинезон астронавтов. У всех подсаживающих он спрашивал имя и называл номер люка.

Когда подошли Владыкин и Мэри, этот человек только взглянул на их спутника и сразу понял, кто перед ним. Не задавая вопроса, он коротко бросил:

— Первый! — и добавил: — Седьмого не будет!

Нет, — отпал Владыкин.

— Прощайте!

Наверх шла широкая лестница с металлическими перилами, украшенная цветами. Поднявшись по ней, они оказались в самом настоящем саду с песчаными дорожками, клумбами, кустами и деревьями. Везде по голубому небу висели и горели яркие Африки: верхняя часть купола была совершенно прозрачной.

Вдоль дорожек стояли удобные скамейки. Недалеке несколько молодых людей играли в какую-то игру с мячами на небольшой площадке, вокруг которой была выстелена ограда. В нескольких местах были фонтаны.

Пассажирские люки размещались по борту, вокруг сада.

Они легко нашли дверь с цифрой «1». За ней оказалось просторное помещение с самой обычной мебелью, даже не прикрепленной к полу. Мягкие диваны и кресла, столик, шкаф с микроингами, диктофон для обычных записей и телефон — все было в порядке.

Наружная стена была, разумеется, прозрачной, но она вытолдела на другую сторону корабля, и Волгин пожалел, что не увидит еще раз Виктора и Джорджа. Но Мэри повернулась к внутренней стене, где была дверь, и стену вдруг потускнела и исчезла, открыв взору противоположный конец корабля. Девушка и Вильсон стояли на прежнем месте, не спуская глаз с корабля. Возле них никого уже не было.

— Сколько минут до старта! — тревожно спросил Волгин.

— Одна.
— Может быть, лучше лечь или хотя бы сесть? — спросил Второе.
— Как хотите!

Волгин сел в кресло, у него подкосились ноги. Он едва мог дышать от волнения. Кроме него, сами только Второе и Мельникова, Крижалецкий, по примеру Вадилена и Мари, остались стоять у наружной стенки. Волгину захотелось закрыть глаза, но любопытство оказалось сильнее, и он не только не сделал этого, но даже перевернул кресло лицом к конусу, собрав для этого всю свою волю.

Он знал ощущение подъема на самолетах, наконец, просто на лифте. Инерция всегда давала себя чувствовать. А здесь предстоял подъем с ускорением, во много раз превышающим ускорение силы тяжести. Но поведение Вадилена и Мари указывало на то, что люди ничего не почувствуют.

И вдруг земля провалилась. Было именно такое впечатление, что корабль остался неподвижным, а земля стремительно ушла куда-то вниз. Мельникуи краши домов Космограда, далекая линия горизонта, небольшие облака, Серебристо сверкающая равнина Атлантического океана, и все исчезло. За станкой был корабль и края звездного неба.

Корабль по-прежнему казался неподвижным. Волгин чувствовал, как сиденье кресла слегка прогибается под ним, совершенно так же, как это было на земле. Ни повышенной тяжести, ни отсутствия веса — ничего! Все, как до старта.

Владелин подошел к нему.

— Видишь, как просто, — сказал он. — А ускорение взлета превращало сто метров в секунду. Сейчас оно еще больше. Ты почувствовал что-нибудь?

Волгин ничего не ответил. Сердце внезапно сменило ритм и привычный, и он немного задыхался. За него ответил Второе.

— Мне нравится такой старт, — сказал он. — Это действительно, замечательно. Поминишь, Мария, — обратился он к Мельниковой, перейдя на русский язык, — как мы стартовали на «Ленина»? Гидравлические кресла, амортизаторы, длительная специальная тренировка перед полетом. А на этом корабле могли бы лететь даже тяжелобольные.
— Но почему все-таки мы не чувствуем ускорения? — спросил Крижалецкий.

— Внутреннее гравитационное поле нейтрализует его, — ответил Вадиленин.

Волгин подошел к наружной стене. Только граница пола указывала, где она находится, самую стену нельзя было увидеть: она была идеально прозрачной.

Неловко отступая, приблизиться вплотную, Волгин остановился в полуметре от края бездны и посмотрел вниз.

Он удивился, что не почувствовал головокружения. Далеко под ним, так далеко, что он даже в воображении не смог бы представить себе подобное расстояние, сдвигательно блеснул под лунным Светом исполосный шар Земли. Именно шар, на котором, впрочем, ничего нельзя было рассмотреть, так нестерпимо было его голубовато-серебристое сияние. А за ним, еще дальше, виднелась верхняя часть лунного диска.

Земля и Луна заметно для глаз уменьшились и уходили куда-то в сторону. Ракетоплан, очевидно, летел с невообразимой скоростью.

«Не удивительно, если он за шестнадцать часов должен пролететь двести миллионов километров», — подумал Волгин.

Прямо перед ним, сверху, внизу, под Землей и Луной, — всюду расстилался черный занавес, усевный светящимися точками. Но звезды не мерцали, а горели неподвижными огоньками.

Волгин стоял и смотрел, не в силах оторваться от этой впервые увиденной величественной картины Вселенной. Он не чувствовал больше никакого волнения, оно прошло, как только корабль улетел с Земли. Он испытывал смутное щемящее чувство непонятной тоски. О нем?

«Нет, хорошо! — подумал он. — Только ради такого полета стоило воскренуть».

Товарищи не мешали ему. Волгин слышал из тихий разговор. Никто из них не подходит к стене. Да и что могло заинтересовать этих людей за бортом корабля? Они видели эту картину много раз.

— Хотелось бы, — сказал Второе, — увидеть современный Космолет дальних рейсов.

— Вы это сможете сделать, когда мы вернемся на Землю. Намечена большая экспедиция на Грэву. Космолет строится на Луне, и там же будет дан старт. Вас все равно пригласят строители корабля, им нужна консультация об этой планете. Ведь мы ничего не знали о ней до вашего прилета. Никто даже не подозревал о существовании Грэвы.

— Разве не было экспедиций к 61-Лебеда?

— Были две. Но вы же сами знаете, что нелегко заметить планету, если ее обитатели не могут увидеть космического гостя и подать ему весть о себе. У этой звезды были известны три планеты, и все три не обитаемы.

— Да, это верно, — согласился Второе. — Трудно заметить планету, не зная о ней. Мы нашли Грэву случайно.

— Космолет, — продолжал Вадиленин, — стартует primarily через год. И его решено назвать так же, как и ваш корабль, — именем Ленина.

Волгин наконец оторвался от конуса.

— Наблюдался, Дмитрий? — ласково спросила Мари. — Правда, какое сильное впечатление производит Вселенная? Ты увидишь это зрелище еще много раз. Может быть, фазотонцы сейчас и не на Марсе. Их придется искать где-нибудь на базовых астероидах. Кроме того, я думаю, вы все захотите понаблюдать, как работают истребители.

— А что это такое?

— Рабочие корабли очистительных отрядов. Их называют так потому, что они специально предназначены для истребления пояса астероидов.

— В таком случае, конечно, захотим. Это очень интересно.
— Они автоматические или с людьми?
— Конечно, людьми. Работа настолько сложна, что не велась доверить даже электронному мозгу.

Мельникова предложила осмотреть ракетоплан. Ее предложение было с удовольствием принято всеми.

Они вышли на открытое пространство, где стоял один судак. Все верхняя часть ракетоплана полость сферической кожухи площадью около восьми тысяч квадратных метров была занята эти судак, где могли свободно поместиться все пассажиры корабля. Двадцать две каюты, рассчитанные на семь-восемь человек каждая, шли вдоль бортов, кольцом окружая судак. Другой, меньшего размера, располагался в нижнем ярусе вокруг огромной столовой. Здесь ниже, у самого дна, помещались грузовые отсеки и механизмы. Ракетоплан мог принять на борт до шестистот человек.

Обычные пассажиры сразу заметили. Несколько человек подошли к ним и радужно приветствовали, словно хозяева гостей. Заглянув непринужденный разговор.

Говорили о Марсе и работе очистительных отрядов. Какой-то молодой человек с энергичным, волевым лицом пригласил Второвца на свой рабочий корабль.

— Вам будет очень интересно посмотреть на нашу работу,— говорил он.— Я отдохнул на Земле, а теперь возвращаюсь. По плану у нас на очереди один из дозольно крупных астероидов, диаметром в шесть тысяч километров. Рассеять в пространстве такую массу вещества сложно и трудно. Мы бы хотели действовать с помощью двенадцати кораблей. Уверен, это чрезвычайно любопытно.

— А что вы делаете с очень большими астероидами?— спросил Второв.

— Шесть-семь километров диаметра для нас предельно,— ответил молодой «исследователь». Все остальные астероиды будут уничтожены последними. Их направят к Солнцу, и они упадут на него. Вот и все.

— Сколько времени занимает ликвидация астероида диаметром в шесть километров?

— Таких немного. Мы снимаем верхний слой, превращая бесформенную глыбу в правильный шар с поперечником в четыре километра или меньше, в зависимости от формы малой планеты. Это занимает недели две-три. Затем шар отводится за пределы орбиты Плутона, во второе поле астероидов. Эта стадия отнимает полтора года.

— Я одного не понимаю,— сказал Второв.— Если можно направить к Солнцу большой астероид, то почему нельзя поступать так же и с маленькими, вместо того чтобы отводить их за орбиту Плутона.

— Ответил другой пассажир, также охваченный «исследовательскими»

мыслями: «Изменение орбиты тела диаметром в три километра требует колоссальной затраты энергии. Таких запасов нет ни на Марсе, ни на Церере, ни на других газках. К тому времени, когда мы приступим к уничтожению больших астероидов, закончится строительство крупнейшей гравитационной станции на Марсе. Она сооружается для того, чтобы с ее помощью можно будет воспользоваться и для этой цели.

— Но ведь отвод к орбите Плутона также требует изменения орбиты? Не ведете же вы планету на буксире?

— Это — другое дело. Ослабить тяготение планеты к Солнцу, изменив центростремительное движение, не столь уж трудно. И аппараты двенадцати рабочих кораблей сплывут с этой задачей, если диаметр тела не превышает четырех километров и оно имеет форму правильного шара. Остальное делает центробежная сила, и астероид по спирали удаляется от Солнца. А ведь воздвигательная на саму центробежную силу, ускорить или замедлить полет столь огромной массы неизмеримо труднее. Пока мы не в силах сделать этого.

— Спасибо за объяснение,— сказал Волгин.— Мы воспользуемся вашим приглашением. Как вас назвать?

— Мы сами найдем вас. Всем будет известно, где вы находитесь. Также гости, как и вы, у нас будут редки.

— А фазтоны?

— Мы успели привыкнуть к ним. Они у нас уже несколько лет.

— Вы не знаете, они сейчас на Марсе?

— Да, есть. А в Эбу, она была бы известна эти имена сокращены латиницей. У фазтонов все имена состоят из одних гласных. Их трудно произносить. Например, полное имя Эбу состоит из двадцати одной буквы.

— Это мужчины или женщины?

— Мужчины. На Земле еще не видели ни одной фазтонской женщины.

Второв предложил улететь голым. Все охотно согласилось.

Стояки были свободны. Очевидно, пассажиры ракетоплана находились в верхнем саду.

«Интересно»,— сказал Второв,— как это здесь организовано? От кулуарных заводов мы находимся довольно далеко.

Меню не было.

— Что же мы будем есть?— спросила Мельникова.

Столы ничем не были покрыты. Полнейшая уверенность их покормит на темном зеркале, в глубине которого синюю отражались звезды на потолке. Трудно было определить, из чего сделаны эти столы — из дерева, пластмассы или металла.

— Перечень! — ответило произнес Владимир.

Волгин догадался повторить эти слова, под верхним слоем их поверхности, покрытой точно водонепроницаемой пленкой, появился список блюд, которые могла предложить пассажирам «кухня» ракетоплана. В списке было около тридцати названий.

Записки понравились органично,— извизиющимся тоном сказал Владимир.

— Более чем достаточно.

Каждый выбрал, что пришло ему по вкусу. Владимир, а за ним Волгин, перечислили заказанные блюда.

Прошло минута, они с любопытством ждали, что произойдет дальше. Исчезает ли середина стола, как это было в Ленинграде, чтобы по-

явиться уже накрытой, или случится что-нибудь другое, но менее интересное? Все, кроме Владимира и Марс, смотрели на стол.

— Но оказалось, что на корабле все было совсем иначе.

— Не кладите руки на стол,— сказала Марс.— И посмотрите вверх.

Под семью потолком быстро плыли по воздуху какие-то плотные чертотрупающие листы. Никто не заметил, откуда они появились, но было очевидно, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Листы, на которых прилетели плоды, были очень тонкие, и нельзя было сказать, что это так, как это так. «Плоды», установленные бledными и всем необходимым, опустились каждый на свой стол, закрыв их целиком. Их размеры точно совпадали с размерами столов.

— Прощу! — сказал Владимир тоном госпитального хозяина.

Фатонград был не так велик, как это показало Волгину сверху, из ракетолана. Население города не превышало сорта таска человек. Здесь не было ни одного промышленного предприятия, это был город отдыха и развлечений «марсиан». Все необходимое доставлялось на огромных яхтах из других городов, которые притягивали эваданов и оспулялись не в самом городе, а в стороне от него, возле строящейся гравитостанции — гигантского здания, почти равного по величине всему Фатонграду.

Волгин и его товарищи очень удивились, когда им сказали, что это поселение на всей станции, а только единичная часть обслуживала намечавшееся строительство заводов воздуха для будущей атмосферы Марса, детские комбинаты и «службу питания».

Здесь административный центр Марса — поселил Мунций. — Отсюда же осуществлялась и связь с Землей. Другие города не имеют космодрома.

Население Фатонграда в подавляющем большинстве работало на гравитостанции. И только единичная часть обслуживала намечавшееся строительство заводов воздуха для будущей атмосферы Марса, детские комбинаты и «службу питания».

Рабочий день на Марсе был значительно длиннее, чем на Земле. Гравитостанция нужно было как можно скорее встать в строй, в ней остро нуждался «искусственный».

Строители работали половину дня, а потом люди давали задания машинам, и те уже сами, без своих хозяев, продолжали работу. Она шла безостановочно, круглые сутки.

В утренние часы Фатонград казался необитаемым. В середине дня он оживал, а вечером его сады и улицы наполнялись веселой и шумной толпой.

Гостей поселили в первом этаже трехэтажного дома, расположенного в густом саду. Внутренняя обстановка ничем не отличалась от земной комфортабельности, а только отсутствовали прозрачные стены.

Вечером, в день прилета, гости, сопровождаемые Мунцием, посетили, как и обещали, фатонцев. Беседа затронула до глубокой ночи.

Переводчиком служила лингвамашиа, смонтированная в стол, за которым они сидели.

Мабель фатонцев, причудливых волнообразных линий, оказалась совсем некрасивой и неудобной. Кресла не было, их заменяли «тебуретки» без спинки. Но для гостей фатонцы приготовили обычные стулья.

Мунций предупредил, что говорить надо очень тихо, почти шепотом, чтобы звук голоса не смешивался с переводом.

— Машина чувствительна, — сказал он.

Работа лингвамашины просто ошеломила Волгина. Когда он заговорил первым, задав какой-то вопрос, послышался его же голос, отчетливый, достаточно громкий, проносивший неземные слова — тягуче-медленные, напевные.

А когда Ая совсем неслышно отвечал Волгину, раздались четкий современный язык, только с длительными паузами между словами, соответствующими медленности речи фатонцев.

Так и шел весь разговор — негорлопиво и спокойно. И не только в этот раз, но и в дальнейшем. Волгину удалось заметить, как и какова бездна между их умениями развиваться! В сравнении с ними он был едва развившимся существом, только начинающим мыслить. Он не мог понять то, что для них было просто и ясно. А то, что оставалось непонятным, еще неизвестным для фатонцев, было вообще недоступно мышлению.

Глаза на сидевших напротив него фатонцев, рассматривая их мощные лбы и огромные глаза, Волгин испытывал почти страх. Какая чудовищная пронасть отделяет его от этих «мыслящих существ», как он привык называть при себе обязательные знания, как и какова бездна между их умениями развиваться! В сравнении с ними он был едва развившимся существом, только начинающим мыслить. Он не мог понять то, что для них было просто и ясно. А то, что оставалось непонятным, еще неизвестным для фатонцев, было вообще недоступно мышлению.

— Современное люди, может быть, способны сравняться с фатонцами, — сказал он в заключение, — но мы... никогда!

Но почему же они обратились тогда за помощью к людям Земли?

— Для очистки орбиты? Что ж из этого? В твоё время расчищали же землю с помощью примитивных тракторов.

— Ну, это уж слишком!

В минуты раздражения Второв был склонен к преувеличениям, и это хорошо знала Волгин.

Мельникова все же спросила о причинах замедленности жизненных процессов у фатонцев. Потом она говорила, что сама была не рада, что задаёт этот вопрос.

Вэй отвечал Эй. Биология фатонцев ушла очень далеко, гораздо дальше того, что мог знать даже Льюис. И как ни старался Эя говорить понятно, его объяснения опирались на знания, неизвестные еще на Земле. Тем более их не знала Мельникова. Она ничего не поняла. Эя, очевидно, заметил это. Он внезапно превратил свою речь и заговорил с другим:

— Понятия о быстрых мысли и реакции весьма условны. Каждый принимает за норму то, что ему привычно. С этой точки зрения вы кажется нам совсем странными в своих поступках и мыслях. Нам даже трудно представить себе, как при такой скорости может складываться в вашем мозгу законченная логическая цепь. А уж если это заговорили о логике, то скажу следующее: мы с не меньшим основанием можем предложить вам замедлить темпы вашего мышления и вообще деятельности организма, чем вы нам.

— Я же не говорила ничего подобного, — попыталась возразить Ма-

рия Александровна, почувствовав в словах фатонца скрытый упрек.

Но Эя, казалось, не обратил внимания на ее реплику.

— Вы живете, — продолжал он, — около двухсот лет. Мы, если принять продолжительность вашего года, вдвое дольше. И наша жизнь так же хороша, как и ваша. Вы можете возразить — ведь мы все же возвращаемся к Солнцу. Это сильный довод в спор. Но я попробую доказать вам, что вы не правы. Фатонцы сейчас распеиваются за ошибку, которую допустили их прадеды, избравшие систему Вегги новой родиной. Нам нужно достигнуть, вернее сказать, то, что мы имели до этого переселения. Но не больше. Если вы думаете, что мы своим способом сравнимся с вами по быстрым мысли, то ошибаетесь. Нам не кажется нам идеалом. Мы даже думаем, что наша организация лучше приспособлена для жизни. Мы многого потеряли за время жизни на Вегге. Мыслим почти так же, как вы, но зато не отвлекались. Нам мало потерянного времени, но теперь, когда наша планета возвращается к Солнцу, мы миримся с этим. Так лучше. Будь иначе, не могло бы быть и дружной совместной работы обоих человечек, которая возможна теперь. Сожалено, что не сумел ответить на ваш чисто биологический вопрос.

Эта речь, которая у земного человека заняла бы минуты три, продолжалась двадцать пять минут.

Мельникова слушала, опустила голову. Она ругала себя за то, что позволила Мунцию, который говорил, что фатонцы, конечно, не обидятся. Вышло, что обиделись.

— Извините меня! — сказала она, когда Эя замолчал.

Все фатонца наклонили головы, но ничего не ответили. Вскоре беседа закончилась, и гости распространились с хозяевами, было уже полночь. Мельникова сердито сказала по-русски:

— Никогда себе не прощу этого. Было некрасиво грубо. Он прав, что проучил меня.

— Не переводите! — поспешно сказал Второв Волгину, совершенно забыв, что Мунций прекрасно знает русский язык. — Ты не прав, Мария! Мунций был прав. Он не обиделся, но вы обиделись. Так и обиделись ли они! Это очень сомнительно. Трудно судить, когда говорит человек, мыслящий иначе, чем мы. Высокая культура исключает мелочную обидчивость. Эя просто высказал свое мнение.

Бросьте! Мельникова доследила макула рукой. — Неужели вы верите тому, что говорили? Они обиделись, это было совершенно очевидно.

— Я согласен с Марией, — сказал Мунций (Мельникова вспыхнула до корней волос, поняв свой промах), — и признаю, что ошибся в суждении о фатонцах. Но трудно было омануть... Появился новый для меня черта в их характере. А то, что вы затронули этот вопрос, очень хорошо. Ответ Эя интересен. Мы думали, что фатонцы стремятся к полной ликвидации своей медлительности, выходит, что нет. Что же! Тем хуже для них. Мы бы быстро нагоним и перегоним. Сама жизнь докажет им, что они ошибаются. И придется им догонять нас, — весело закончил Мунций.

Глава шестая

Снова прострелено, снова черная бесконечность со всех сторон и бесчисленные огни далеких звезд.

Роботы в корабле летят в цель.

Здесь не было, как на больших пассажирских ракетоланах, искусственной гравитации, нейтрализующей любое ускорение, создающей внутри корабля постоянное поле тяжести.

И-1476 был лишён многих устройств. Летательная установка для исследования астероидов — только! Среди тесноты машин и приборов для трех человек экипажа и их гости оставалось немного места и пульт управления. И еще меньше — у сеток для короткого сна. Здесь жили в ритме напряженного и непрерывного труда.

Привыкнувшие познанными с амортизационными креслом, испытывали неприятное ощущение повышенной тяжести, когда тело с большой силой адвально в спинку сиденья, нельзя было поднять руку, а голова казалась налитой свинцом, — со всем тем, что скрывалось за туманными полами инерционная перегрузка.

Волгин был лишен возможности управлять скоростью и постоянной скоростью, тяжесть исчезала, и Волгин понял, что значит невесомость — состояние, о котором он много думал. Оно оказалось совсем не страшным. Было легко и приятно.

Но Волгин знал, что корабль будет менять направление полета и скорость, гонимая за встречными мелкими астероидами и уничтожая их, поэтому не раз еще придется подогреться тому же испытанию, что и при взлете.

Думая об этом, он начал жалеть, что они отказались последовать совету Германа, когда Эя велел одному из руководителей исследовательских отрядов, который, узнав о намерении гостей присутствовать при уничтожении астероида «Ф-277», высказать предложение лететь не на рабочем корабле, а на небольшом пассажирском ракетолане.

Но Волгин не хотел испытывать никаких перегрузок, никаких неудобств, — сказал Герман. — Увидите все со стороны и достаточно близко.

— На сколько человек рассчитан такой небольшой ракетолан? — спросил Второв.

— На сто человек, но пусть это вас не смущает.

Даже здесь, где, казалось бы, не могло быть ничего лишнего, ничего ненужного, оказался резервный ракетолан, стоявший на Марсе на всякий случай для непредвиденных обстоятельств. Изобилие эпохи скрывалось подсюду.

Но Волгин, Второв и Крижевский все же сумели предложение Германа. Занять стюветский корабль, заставить его вести три корабля для удовлетворения любознательности трех человек, отравить людей от дела — все это, с их точки зрения, было ни с чем не сопоставимо, право наислабей. И они отказались испытывать свою отвагу жалезным увидеть самую работу исследователей, а не только ее результаты.

Командир рабочего корабля, с которым они познакомились во время рейса с Земли, Эрик, явился на третий день пребывания гостей на Марсе.

— Узнав, что они не переменили своего решения, Эрик очень обрадовался.

— Вся наша эскадрилья с нетерпением ждет вас, — сказал он. — Мы просим, чтобы вы немедленно летели отдельно. Жаль, что вас только четверо, а не двенадцать.

Пришлося огорчить его и сказать, что гостей даже не четверо, а трое. Мельникова решила отправиться с Миром на Восток.

— Это не очень интересно, — говорила Марга Александровна. — Эра обещала показать нам работу своего рабочего корабля. Марга тоже никогда не видела, как это делается.

— Что насчетя Владилена, то он решил остаться на Марсе.

— Ну что ж! — сказал Эрик. — Говорю вам три раза. Каждый сам выберет корабль. Но я надеюсь, что вы — повернулись он к Второму, — полетите со мной. Ведь я первый пригласил вас.

— Конечно, я полечу с вами.

— Таким образом, выбор Второго был сделан заранее. Зато Волгины и Крижевскому предстояло решить нелегкую задачу — выбрать корабль и никого не обидеть. Они хорошо помнили, что экипажи всех одиннадцати кораблей будут настойчиво звать их к себе.

— Простой выход нашим Книжевикам.

— Как называются ваши корабль? — спросил он у Эрика.

— У них нет названий. Только номера. От «И-71» до «И-82».

— А ваш корабль?

— «И-80».

— Книам жребий, — предложил Всеволод. — Пусть выберет слушай, я не им.

— Очень хорошо! — сказал Волгин. — Нам было бы трудно выбирать. Ведь мы одинаково ничего не знаем.

— Волгин вытаскивал номер «76», Крижевский — «71».

— Так и передайте вашим товарищам, — сказал Волгин.

— Керри и Молибден будут очень обрадованы, — сказал Эрик. — Зато остальные, конечно, огорчатся.

— Когда назначен старт?

— Через три часа, — неожиданно ответил Эрик.

Но эти слова все же не удивили никого. Люди прошлого времени уже привыкли к тому, что подобие экзидрилки жандт современных людям не стоящим особого внимания и каких-либо сборов.

— Хорошо, — сказал Второму. — Куда нам явится?

— Девять кораблей стартуют за городом. А мы трое, Керри, Молибден и я, возъемем вас здесь, на площадке, где мы остановились, прилетев с Земли. Площадь здесь отсюда. Замеч за обстановкой, надевайте шлемы.

— Тем более, — сказал Второму, — что для нас шлемов может не найтись.

Нет, не потому. Зато терять время на их поиск?

Муницип накануне этого дня улетел к месту своей работы, которое находилось на другом полушарии Марса. Волгин вызвал его к телефону и сообщил об отлете.

Керри? — спросил Муницип. — Я знаю его. Это совсем молодой истребитель. Кажется, он летит второй раз. Передайте ему привет от меня.

К назначенному часу они пришли на площадку. Волгин, Крижевский и Второму надели кожаные комбинезоны, которые принес им Владлен с ближайшего склада.

— А шлемов, нужного размера, — сказал он. — действительно нет. Эрик принял правильное решение.

Три рабочих корабля уже стояли на площадке. Совершенно одинаковые по форме и цвету, они отличались друг от друга только номерами, крупно вставленными на их бортах. Внешним видом корабль походили на толстые чечевицы.

— Заметьте, — сказала Мельникова, — ни одного любопытного. Странно, не правда ли?

В этот час в городе было мало народу, но и редкие пешеходы, проходившие по площадку, не обращали на корабль никакого внимания. Должно быть, их вид был хорошо знаком жителям Марса.

Экипаж каждого корабля состоял из трех человек. Они радостно встретили своих пассажиров.

Керри, высокий, очень красивый молодой человек, сказал, крепко сжимая руку Волгина.

— Никогда не забуду, как мне повезло.

— Почему только тебе? — возразил его товарищ, называвшийся Владимиром. — А нам?

Третьего члена экипажа «И-76» звали Чарли. Он был еще моложе Керри, загорелый до черноты, стройный, как девушка.

— Позовите нашего корабля! — сказал он.

— Выходите! — пригласил Керри. — Надо потопоротися. Эскадрилья уже далеко от Марса. Придется догонять ее.

...И вот прошло уже три часа.

Марс остался далеко позади и находился вне поля зрения. Задняя стена корабля была непроницаема и не имела зеркал. Зато передние стенки были совершенно невидимы, и казалось, что за пультом сразу начинается пустота.

Владимир проверал аргументы изложения. Керри и Чарли склонились над концами экипажа. Не имея лица. Керри был и сосредоточенности. Очень редкие они обменивались короткими фразами.

Волгин усадил у самого пульта, в среднее кресло. Он чувствовал себя неловко, казалось нелепым сидеть тут, ничего не делая и даже не совсем понимая, что делают другие. Это место явно предназначено командир.

Но не все протесты Волгина следовало ответить: «Мы наш желанный гостям,» — и по тому, как это произошло, было ясно, что наставлять бесполовано.

Корабль эскадрильи были не видны простому глазом. Они летели на значительном расстоянии друг от друга, широким фронтом приближаясь к месту, где должен был находиться сейчас астероид «Б-277», орбита которого проходила близко от орбиты Марса.

До него оставалось часа два пути.

Волгин знал, что задачу истребителей выхлодо уничтожение всех замеченных мелких тел, которых в поясе астероидов было несметное количество.

Это походило на охотничью олаву, когда ждут появления зверя, но не знают, где и когда он может появиться.

Керри и Владимир были спокойны. Чарли волновался, и его волнение невольно передавалось Волгину. Он тоже стал смотреть на экран, не зная, что увидит в этой темной глубине.

Ожидать пришлось долгого.

Волгин крикнул на экран, внезапно загорелась крохотная точка. Она быстро сфокусилась вниз и исчезла.

— Внимание! — сказал Керри.

Волгин предупредил, что при этом возгласе он должен откинуться на спинку кресла, принять полужакомую позу и расслабить мускулы.

Шло время, как будто экран не замечало взором, и Волгин прилежно подложничал справа. Он увидел, как снова появилась на экране та же точка и медленно передвинулась к центру.

Тажность поворота исчезла, снова стало легко, и Волгин выпрямился. Чарли указал один из приборов, назначения которого Волгин не знал, и коротко бросил:

— Шесть!

Что шесть? Шесть километров, шесть объектов или шесть метров диаметра? Волгин не спросил, терпеливо ожидая дальнейшего.

Слова Керри и Волгина, конечно, адресовала другим кораблям, разсыпавшимся Волгину полемине.

— И-711 И-711 Внимание! Миюю замечен астероид размером до шести метров. Координаты.

— Нахожусь в неудобном положении, — раздался ответ Молибден.

Керри! — Волгин узнал голос Эрика. — Вижу твой объект. Иду на сближение.

— Разве одного корабля недостаточно? — спросил Волгин.

— Нельзя задерживать всю эскадрилью, — ответил Чарли. — Двадвое мы справимся за несколько минут.

Керри на экране вырвался, превращаясь в пятно неправильной формы.

— Смотрите вперед! — сказал Керри.

Волгин поднял голову от экрана, всматриваясь в черную пустоту вперед корабля. Но никакого света он не видел.

Справа из тумы выступил знакомый ему силуэт рабочего корабля с цифрой «80» на борту. Он был ярче освещен Солнцем и летел совсем близко. Там, наперво, на таком же почетном месте, как и Волгин, находился Второму.

«И-76» замедлил скорость полета. Торможение доставило ему несколько неприятных минут. Вероятно, Волгин потерял сознание на некоторое время, потому что не заметил, когда кончился торможение.

«Неужели современная техника не могла сделать рабочие корабль более удобными?» — подумал он. — Такие перегрузки вредны.»

Но он тут же подумал, что здоровье современных людей, очевидно, не позволяет им переносить перегрузки без вреда. Керри, Владимир и Чарли явно не испытывали никаких неудобств. Волгин вспомнил, как они авли себя во время старта и последующего разгона, когда он сам летел, и в страх пошевывался, и укрывался в этой мысли.

«А раз так, — думал он, — то мне и в голову не приходит, что для меня это тяжело. Но все же будь с ними Люций, он не пустил бы меня в этот полет.»

— Немали! — раздался голос Эрика.

Точка же от обон корабля, протянувшая длинные узкие полосы света. Далеко вперед они сходились в одной точке, и Волгин увидел там казавшийся небольшим облаком скалы. Он быстро приближался.

Это и был обнаруженный астероид.

Внутри корабля раздалось мощное гудение.

В первые секунды ничего не было слышно. Корабль летел навстречу облачку с большой скоростью, точно намереваясь столкнуться с ним.

Все ясно видел огромный камешек.

Но все с ним стало твориться что-то странное. Четкие границы его поверхности закомблились, пошли волнами. Камешек на глазах терял первоначальную форму. Потом он расплылся, обмык. Если такое впечатление, что гранит или металл превращается на глазах в жиждист. Луни прожекторов насызов пронизывали теперь комблелюущую массу не то бурой воды, не то газа.

Волгин всем телом наклонился вперед, захваченный зрелищем. И все же видеоизменившийся астероид стремительно летел прямо на их корабль. Но еще быстрее его вещество обращалось в разреженный газ, светящийся теперь зеленым светом.

Еще несколько секунд, и «И-76» пронесся сквозь это облако, развевая в пространстве его клубы.

— Тридцать восьмой! — сказал Керри.

— А для нас семьдесят пятый! — ответил Эрик.

— Внимание! — совсем мальчишеским тоном сказал Чарли. — Мы вас догоним.

Чем-то забытым, но хорошо знакомым повелю на Волгина от этой фразы.

— Повторяюсь! — услышал он голос Второму. — Правда, здорово? Интересна! — ответил Волгин. — Но слишком уж просто.

Керри улыбнулся.

— Возвращаюсь на свое место, — сообщил Эрик. — До свидания! Счастливого охоты!

И силуэт «И-80» растаял в пространстве.

Продолжение следует.

К л у б юбилейщиков шутки

Сегодня слово предоставляется любителям шутки — артистам армейской печати.

Результаты налице.
Рисунки мл. сержанта Ю. Солина.

— Товарищ полковник, разрешите поставить вам мат?
Рисунки Р. Овьянова.

ССЫЛКА НА АВТОРИТЕТ

На стрельбах поразить не мог
Он ни одной фигурой.
И в оправдание изрек:
— Суковоя прав, повилуйй бог,
И верно, пуля — дура!

ЖЕНИХ-ЗАОЧНИК

Познакомился заочно
С ценой дюжиной невест.
Всем им головою морочит
И сердца словами ест...
Маль, что нет в уставе средства
Взглянь его за сердечностью!

ДЕЛА СПОРТИВНЫЕ

— Что? Сенчик?
Да их у нас без счета!
И состязаний тьма, — гласили
Так отчеты.

Когда ж сложились те отчеты в кипы,
И ними пеллы ринулись...
на острый запах липы,
В. КЮРОЛЕВ

БДИТЕЛЬНЫЙ

— Что охраняешь, часовой?
Ну нет,
Об этом не скажу!
Секрет!
— А почему секрет?
— Так, значит, надо.
Никто не должен знать,
что здесь спялды.

А. ЧИСТЯКОВ

Солдатские шутки малюшки

— Рядовой Киреев! Я просил показать на карте болотистые места, а вы залезли в горы.
— А с горы виднее, товарищ лейтенант.

— Что-то вы, Толстухин, в последнее время замештали на мне за добавкою?
— А мне, товарищ повар, командир отделения порекомендовал развивать брюшной пресс.

— У курсанта Самохвалова художественная натура.
— Он увлекается живописью?
— Нет. Но очень любит порисоваться перед товарищами.

— Хватит, чтобы я стал классным специалистом, а на занятия выводит зачем-то в поле.

— Рядовой Сидоров! Вам надо постричься.
— Не могу, товарищ старшина... у меня фуражка большого размера.

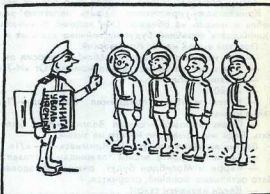
— Какой старательный наш почтальон Петров! Еще утро, а он уже почту принес.
— Так ведь это и вчерашнюю.

— Смотрите, Огурцов перестал дремать и внимательно слушает. Что это значит?
— Бойтся прозевать команду «Приготовиться на обед!»

— Ком с орг. Товарищ капитан, мне нужно вставить зубы.
В о в в а ч. У вас все зубы целы.
Ком с орг. А комсомольцы утверждают, что я беззубый.

— Понаяните восток.

— Увольнение только в пределах солнечной системы!

— Разрешите вторую попытку на Луну?
Рисунки курсанта В. Петрова.

Первая страница обложки: Подразделение ракетчиков, где служит офицер С. Малуха, славится отличной боевой выучкой, высоким мастерством. Участвуя в социалистическом соревновании, они были удостоены высокой награды: им вручено переходящее Красное знамя МКК КПСС и Моссовета.

Фотоотряд Б. ИВАНОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва. Б-66. Спартановский. 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 3-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерки и публицистика — доб. 3-52; межкультурной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; юмора и сатиры — доб. 4-79; песни — доб. 2-45; науки и техники — Е 7-03-92, информации — Е 7-03-92; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. М. Верченко, Е. А. Доматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, В. Л. Раузинович (заместитель главного редактора), Е. И. Рабчинков, А. А. Сосняк, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Е. Стукос.

Оформлена В. Соколов.
Технический редактор Н. Вудкин и н. а.

А 00027. Подписано к печати 12/II 1962 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 347.
Заказ № 303. Формат бумаги 70х108/16.
2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»,
Москва, ул. «Правды», 24.

«НА ПОБЫВКУ ЕДЕТ...»

Слова Виктора БОКОВА.

Отчего у нас в поселке
У девчат переплюлок?
Кто их поднял сповранок?
Кто их так встревозжить мог?

На побывку едет
Молодой моряк,
Грудь его в медалях,
Ленты в якорях.

За рекой, над косогором,
Встали девушки гурьбой.
— Здравствуй! — все сказали
хором —
Черноморский наш герой!

Каждой руку жмет он
И глядит в глаза.
А одна смеется:
Целовать нельзя!..

Пологовку отдкадет
У родителей в дому.
Хором девушки задыхают:
— Мы не правимся ему!

Ни при чем наряды,
Ни при чем фасоны —
Ни в одну девочку
Не влюбился он.

Ходит, шутит он со всеми,
Откровенно говорит:
— Как проснусь, тотчас же море
У меня в ушах шумит.

Где под солнцем зюга
Ширь безбрежная,
Ждет меня подруга
Ножная...

Музыка Александра АВЕРКИНА.

Украино

маленька ту

у де-чат пе-ре-плю-лок? Кто их по-ды-нал спо-вран-ок, ма-ря-чок, кто их

на по-бы-ву-ку е-дет

мо-ло-дой мо-ряк, гру-дь е-го в ме-да-лях, лен-ты в я-ко-рях

мо-ло-дой мо-ряк, гру-дь е-го в ме-да-лях, лен-ты в я-ко-рях

це-лю-вать не-льзя!

по-ло-го-ву-ку от-да-дет у ро-ди-те-лей в до-му

хо-ром де-вуш-ки за-ды-ха-ют: — Мы не пра-вим-ся е-му!

ни при чем на-ря-ды, ни при чем фа-со-ны — ни в од-ну де-воч-ку не в-лю-бл-и-ся он.

хо-дит, шу-тит он со все-ми, от-кре-вен-но го-во-рит: — Как про-снусь, то-тчас же мо-ре у ме-ня в ушах шу-мит.

где под сол-н-цем зю-га ширь без-бре-ж-ная, ж-дет ме-ня по-д-ру-га но-ж-ная...

Зюга

Зюга

«Мы хотим, чтобы сцена познания танца раскрыла перед глазами нашего зрителя неисчерпаемые творческие богатства советского народа». Эти слова Игоря Моисеева как нельзя более точно определяют смысл искусства Государственного ансамбля народного танца СССР.

Вот уже четверть века неизменный успех сопутствует выступлениям «моисеевцев» не только на Родине, но и на сценах многих стран мира. Зрителей покоряет блистательное мастерство советских танцоров, увлекательная изобретательность постановки и подлинный народный дух, который живет в каждом номере программы.

В репертуаре ансамбля более 180 танцев. Каждая программа — своеобразное путешествие по нашей стране и ее истории. Тут и поэтическая сюита старинных русских танцев, исполненная лирической задумчивости, искрометной удали и неисчерпаемого народного юмора. Поразительный по своей виртуозности украинский «Гопака» и зажигательные молдавские танцы «Йоки», «Молдованка» сменяются страстной белорусской «Лявонихой» и романтичным грузинским «Картули», Танцы народов Средней Азии, Кавказа, прибалтийских республик и Дальнего Востока с пронизывающим мастерством отражают жизнь и характер народа.

На наших снимках вы видите две сцены из цикла «Советские картины» — «Призывники-новобранцы» и «День на корабле».

Фото Е. УИНОВА.

